

Андрей Дашков

Утраченный свет

В центре солнца живет трехлапый ворон, в центре луны живет жаба. Солнце и луна, будучи пожраны чудовищем, теряют свой ход, утрачивают свет.

«Хуайнань-цзы» (II век до н. э.)

Ветер с востока одолевает ветер с запада.

Мао Цзэдун (XIV век Хиджры)

ПРОЛОГ

Я был создан на годы,

Но очень мало изменился.

Я — орудие правительства, а также индустрии.

Мое назначение — помыкать и управлять тобой.

Фрэнк Заппа

ОН двигался как дурная весть, опережающая эпидемию средневековой чумы, но это всего лишь грубая аналогия. Чума распространялась со скоростью ветра или больного зверя; ЕГО же скорость была ограничена только целесообразностью. Иногда ЕГО воздействие проявлялось в виде неизвестной ранее болезни с

летальным исходом — быстрым и неизбежным. При этом ЕГО хозяин наделял взамен земной жизни иной жизнью — практически вечной. И одаривал, соответственно, вечной благодатью.

Хозяин создал виртуальную Колонию, что-то вроде информационного заповедника вида *homo sapiens*. А ОН был посредником. Фактически ОН предлагал спасение — прямо сейчас и без всяких усилий. Трудно поверить, сколько у НЕГО было потенциальных клиентов.

ОН считывал информацию на генетическом уровне, воплощаясь в матрицы. Только один из двойников обладал жизнеспособностью; другой терял ее автоматически. От НЕГО не существовало лекарств. Возможно, некоторые обладали иммунитетом, однако тот, кто создал ЕГО, пока не слышал о таких счастливицах.

У НЕГО не было папочки и мамочки, зато он мог иметь копии: одну, две... да хоть миллион. Но вряд ли они появлялись одновременно — это привело бы к перерасходу драгоценной энергии. Среди всех словечек, обозначающих различные способы размножения, наиболее подходящим к ЕГО случаю было слово «партеногенез», хотя и оно не исчерпывало сути дела. ОН не интересовался собственным прошлым, а прошлым всех остальных — лишь в той степени, в какой оно определяло настоящее и будущее. Это помогало выслеживать

избранных.

ЕМУ было всего трое суток от роду, и ОН еще не имел формы. То, какой облик ОН примет, зависело не от НЕГО. ОН пребывал в ожидании матриц. Пока же всякий, случайно оказавшийся на ЕГО пути (но не намеченная жертва!), не мог определить причину иррациональных явлений. ЕГО приближение ощущали собаки и грудные дети. Спящему ОН мог представиться чем-то вроде ночного кошмара за мгновение до окончательной кристаллизации. Помните, как узнаешь об этом? Невероятным образом сгущается воздух; появляется обморочная липкость сна; возникает арктический холод в кишках... И никто (даже ОН сам) не понимал, почему именно кошмары предшествуют «переселению» — ведь Колония была аналогом Эдема, в который все подсознательно стремятся вернуться. И если результат одинаков, то кто заметит подделку? Можно ли это вообще назвать подделкой? ЕГО хозяин предоставлял матрицам все, что было на Земле несовершенным, незавершенным и просто недостижимым. Каждый находил то, что искал.

Ни одно благо не было привнесено извне. Цивилизация сама открыла массовый искусственный путь взамен индивидуального естественного — гораздо более долгого и трудного. Возможно, это было предусмотрено ее эволюцией.

И значит, зарождался «прекрасный новый мир» — реализованная суррогатная утопия нового и всех последующих поколений.

Религиозные фанатики считали ЕГО падшим ангелом, что было, конечно, очень далеко от истины. Люди, к несчастью лишившиеся слепой веры, употребляли жаргонные термины «глюк», «кино», «тени», и были по-своему правы — тот случай, когда любая истина относительна. Возможно, ОН был глюком-охотником. ОН не знал имени своего прототипа; ОН даже не подозревал о том, что когда-то существовал прототип. ОН справедливо считал себя порождением Темного Ангела и был самым совершенным из его созданий, сверхточным инструментом, любимым детищем, последней надеждой, ибо время его заканчивалось.

В разных местах Ангела называли по-разному: Демон, Дух Бездны, «Абраксас-2», Орбитальный Контроль, Гребаный Мозгокрут... Но всего лишь шесть часов тому назад, наткнувшись на одинокого дервиша-револьверщика в бетонной пещере на Перевале Странников, охотник получил от него запретное имя Ангела.

Справиться с дервишем было непросто, однако это случилось — прежде чем револьверщик погрузился в Седьмое состояние и сделался неуязвимым. А имя оказалось сложным и нелепым; возможно, дело было в специфических вибрациях.

Дервиш, покинувший к тому времени свой «тайный сад», не очень разборчиво выговорил:

— Стационарный Спутник...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Ты можешь выписаться в любой момент,
Но ты никогда не сможешь уехать отсюда.*

Группа «Иглз»

Это было в дни поздней дождливой весны. Снег недавно сошел; природа обильно менструировала. Приближался «опасный» период, гнусный месяц апрель, но неоткуда было взяться чистому семени. Деревья тянулись к небу и пили яд земли. Отравленные реки текли на юг, унося смытый паводком плодородный слой в глубокую яму моря. Солнце показывалось редко; о том, что оно есть, напоминала лишь неуклонно возраставшая температура. Кое-где в воздухе уже пахло гнилью. По ночам небо иногда очищалось — словно кто-то протирал тряпкой запотевшее стекло, — и можно было видеть тусклые звезды и диск луны, надкушенный тьмой. Аппетит тьмы менялся от ночи к ночи. И только ритм космического вальса, в котором кружились небесные тела, оставался неизменным.

Возрождение неизбежно наступало каждый

год. Начиная очередной цикл воспроизводства. Весну сменит засушливое лето, затем будут ветреная осень, стеклянная зима... Все равно неистребимая жизнь торжествовала, приспособляясь даже к самым суровым условиям. И, конечно, луч надежды никогда не гас. Он означал запасной выход даже для самых заблудших душ.

* * *

Влажный ветер раскачивал дорожный указатель и заунывно гудел в сплетении неоновых ламп. Ни одна из них не светилась. Гнутые трубки составляли надпись «Мотель «Лесная поляна»». Тоскливая музыка этой чертовой эоловой арфы была слышна почти всегда. Она вовсе не мешала Равилю Бортнику спать.

Она мешала ему бодрствовать.

Во сне он не слышал ничего, кроме ласкового шепота химер, порожденных его подсознанием, но крепко заснуть и как следует отоспаться ему удавалось редко.

Название мотеля было чисто условным. Больше десяти лет назад лес вырубил в радиусе полукилометра от заправочной станции и даже выкорчевали пни. Теперь каждую весну Бортник поливал бензином и сжигал молодую поросль,

чтобы никто не мог подобраться незамеченным. Вокруг заброшенных коттеджей, стоявших плотной группой, образовалось пятно выжженной земли. Последнюю такую операцию Равиль провернул пару дней назад, и до сих пор в воздухе пахло гарью. Бортник считал, что заведение давно пора переименовать в «Черную плешь». Впрочем, плевал он на то, как это место называется, — он был всего лишь наемником с кабальным контрактом.

Когда стемнело, Равиль выпустил из вольера волкодавов и заперся в своем коттедже с полустершейся табличкой «Администрация». Кружочек буквы «р» как раз совпадал со старым пулевым отверстием. Система охраны давно вышла из строя. В мотеле не было ни одного постояльца. И вряд ли кто-нибудь появится в ближайшие сутки. Мертвый сезон.

На стоянке — пусто, если не считать вдребезги разбитой «самары». Позавчера ее притащил тягач, регулярно расчищавший трассу. Собственная «газель» Бортника с полным баком и заряженным аккумулятором стояла в подземном гараже. Он тщательно следил за исправностью двигателя. Равиль боялся того, что может произойти с плохо вооруженным и не очень быстрым человеком в пустынном месте, расположенном в ста километрах от города. А это могло произойти — в любой день, в любую ночь.

Например, сегодня.

* * *

Он был совершенно один. Его вахта заканчивалась через неделю. Но это в лучшем случае — если найдется идиот, который окажется в столь отчаянном положении, что захочет его сменить. В худшем случае пребывание Равиля в мотеле затянется на неопределенный срок.

Уже три месяца он не притрагивался к бабам. Его раздражение накапливалось, как осадок в стеклянном стакане. И стакан постепенно терял прозрачность... Бортника раздражало многое, но больше всего его раздражал (просто бесил!) скользкий хмырек, которому принадлежал мотель и, значит, сам Равиль со всеми потрохами. Хмырек отсиживался в городе, пряча свою толстую ухоженную задницу под защитой Блокады, в то время как Бортник ежедневно рисковал жизнью на этом вонючем отшибе.

С другой стороны — а что было делать? Найти работу становилось все труднее; в городе — почти невозможно. Наниматься батраком на ферму или в помещичий замок — увольте. Он знал, что это такое. И чем это кончается...

Мотель не приносил ни гроша; какой-то мизер удавалось выжать из заправки и станции

техобслуживания. Таким образом, Бортник совмещал функции администратора, заправщика, механика и сторожа. Многовато на первый взгляд — и совсем мало, если учесть интенсивность движения. Бортник не поленился и подсчитал: в среднем мимо проезжала одна долбаная тачка в сутки. Лучшими днями были те, когда по трассе шли правительственные караваны. С конвоем и вспомогательными трейлерами набиралось до двух десятков машин. Иногда даже удавалось заполучить всю компанию на ночлег. В такие ночи Равиль мог расслабиться. Но это случалось крайне редко — караванщики предпочитали не рисковать...

Никакой надежды. Ветер постанывал, гуляя среди закопченных неоновых ламп. Бортник решил, что надо сорвать вывеску к чертовой матери и он займется этим очень скоро, если погода не переменится. Хмырю хозяину придется его извинить. «Вычтешь из моей зарплаты, толстозадый», — подумал Равиль с ненавистью и достал из холодильника банку с пивом. Хорошо, хоть электричество еще не отрубили. Это было бы трудно сделать — силовой кабель залегал на двухметровой глубине. Впрочем, рано или поздно курорт закончится. Без света, холодильника и телевизора вахта превратится в тест на выживание. Бортник был не из тех, кто уверен в себе на все сто

процентов. Говоря по правде, он не был уверен и на пятьдесят.

Эта ночь запомнилась ему как ночь собачьего воя. Ни до, ни после он не слышал ничего подобного. Даже тогда, когда волки стаями мигрировали с севера в донские степи, в живых не осталось ни одной собаки, а сам Равиль трое суток просидел взаперти в обнимку с заряженным дробовиком. В течение семидесяти двух часов он думал только об одном: С КАКОЙ ЧАСТИ ТЕЛА ОНИ НАЧНУТ? В конце концов он решил, что лучше разнесет себе выстрелом голову, если волки ворвутся в коттедж... Но в тот раз Аллах смилостивился над ним.

Теперь Бортник убеждался в том, что так бывает далеко не всегда.

Вой, раздавшийся около полуночи, заставил его поглубже вжаться в кресло и поперхнуться пивом. Он как раз смотрел киношку — «семейную» мелодраму, которую транслировал Мозгокрут. Передачи из города шли с сильными помехами, а кабельного ТВ тут не было. Несмотря на паршивую антенну, сигнал Мозгокрута всегда оказывался идеальным. Другой бы задумался — почему так, но не Бортник.

Он думал о другом. Будь он тут не один, а с семьей — глядишь, и чувствовал бы себя гораздо лучше. Регулярно любил бы жену, учил бы детишек

разбираться в моторах... А иначе можно свихнуться от одиночества.

Равиля тошнило от того, что происходило на экране, но пустота, притаившаяся во влажной темноте за окнами, была еще отвратительнее... Потом он понял, что существуют вещи похуже изоляции, пустоты и темноты, хотя, возможно, они и являются порождениями этих трех универсальных причин.

Равилю в общем-то уже было все равно. Неважно, что именно пыталось столкнуть его с рельсов. Важно другое: насколько далеко он покатится под откос. И сможет ли «вернуться».

...От воя хотелось бежать подальше и не оглядываться, но коттедж был слишком мал даже для бега по кругу. Жуткий звук пронизывал ветхое строение насквозь, тугой пружиной бился внутри. Казалось, колеблются стены, звенят стекла, гудят трубы, дребезжат ставни и начинают дребезжать собственные зубы, свободно сидящие в челюстях...

Бортник отставил дрожащей рукой банку и схватил дробовик, лежавший у него на коленях. Потом сделал самое глупое, что можно было сделать в его положении: отключил телевизор.

Он остался один на один с посторонним звуком.

И вой воцарился безраздельно.

Обезумевшие четвероногие твари орали непрерывно, перехватывая инициативу друг у друга, соперничая в глубине тоски и богатстве невысказанных оттенков отчаяния. Это был плач — еще более пугающий оттого, что он был нечеловеческим.

Бортнику стало ясно: еще пять минут — и он полезет на стенку. Пожалуй, можно было заткнуть уши, но это означало бы, что он не услышит главного: как ОНИ вышибут дверь и войдут в коттедж. И сам собой возникал старый больной вопрос: с какой же части тела они начнут?..

Он попятился в угол, подальше от окон, наглухо запечатанных внутренними металлическими ставнями. Потом ему показалось, что и стены не так уж надежны. Он начал кружиться посреди комнаты, словно какой-нибудь дервиш-револьверщик, но на просветляющий эффект «Остановки времени» рассчитывать не приходилось... Все, что было у него перед глазами, слилось в черно-белые полосы. Кишки всплывали вверх, будто были наполнены водородом. Мелькающая лампа на столике выглядела смазанной.

Вой приобретал фактуру скользкой плоти. Бесконечно длинные змеи с огромной скоростью

вползали в уши и пожирали мозг. Безразмерный череп Бортника стал для них идеальным гнездом...

Оглушительный рев автомобильной сирены раздался внезапно, и так же внезапно оборвался собачий вой. Бортник едва не спустил курок от неожиданности. Хорошо знакомый звук поразил его сильнее, чем раскат грома, а через секунду уже показался ангельской песней. Равиль с шумом выдохнул. Сирена освободила его.

Он обнаружил, что у него взмокли спина и ладони. Нижняя губа была прокушена до крови, а виски возле ушей расцарапаны. Он не помнил, когда сделал это. Он поднес пальцы к глазам. Под ногтями действительно была запекшаяся кровь.

Он подошел очень близко к той черте, из-за которой не возвращаются, — во всяком случае, прежними. Выбравшись из темного тоннеля безумия, он почувствовал невыразимое облегчение. И все же в душе остался тревожащий осадок — Бортник осознал, что теперь от него *ничего* не зависит. И значит, *это* могло начаться снова. В любой момент.

...Автомобильная сирена пролаяла еще трижды. В ней ясно прозвучало раздражение того, кто дергал за трос. Того, кто, вероятно, корчился в кабине, не имея возможности совершить пробежку до вожделенного сортира.

Бортник различал голоса сирен, как иные

различают скулеж эстрадных педиков. Сейчас, например, на заправочной стоял дальнобойный «КрАЗ». А он, Бортник, должен был выйти и накормить его.

В час ночи.

В темноте.

И все же дела обстояли не так уж плохо. Он продаст сегодня дизельное топливо. Бизнес есть бизнес.

«Самоубийцы, мать вашу!» — прошептал Равиль с восторгом. Он догадывался, по какой причине поздний гость не может выйти из кабины. Он ухмыльнулся своим мыслям.

Хвала Аллаху! — с его волкодавами все было в порядке.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ты можешь рисковать своей задницей

До Судного дня,

Но не забывай молиться.

Том Уэйтс

Дьякон Самсон Могила притаился в засаде у моста через реку Уды. На нем был армейский плащ-палатка до пят, надетый поверх дорогого вечернего костюма, безукоризненно белая сорочка с рубиновыми запонками, строгий галстук и туфли

ручной работы из телячьей кожи. Островерхий капюшон был надвинут на голову и скрывал совершенно седые волосы, разделенные идеальным пробором.

Фигура, похожая на обломок скалы, оставалась неподвижной. На бледном, будто вытесанном из мела лице лежали печати страданий и пыток: старые шрамы и морщины, еще более глубокие, чем шрамы. Дьякон еле заметно улыбался одними губами — это была застывшая, привычная и неопределенная гримаса человека, давно разучившегося смеяться.

Выбранное место казалось ему просто идеальным. Даже жаль, что использовать его можно будет лишь однажды. Самсон никогда не повторялся. Повторение — это статистика, а статистика — ключ к пониманию поведенческой структуры. Дьякон не желал, чтобы кто-то знал о нем больше, чем он сам. Против этого бурно протестовал его инстинкт самосохранения.

Мост был узким, с плохим покрытием, и легковой автомобиль, а в особенности тяжелый грузовик должны были неизбежно притормозить за несколько десятков метров от него. Могила попадал в любой глаз водителя на выбор и на любой скорости, но его прежде всего интересовала сохранность груза. Не очень-то много полезного извлечешь из горящих обломков... Перед самым

мостом шоссе пересекалось с проселочной дорогой, на которой дьякон оставил свой мотоцикл.

Он ждал долго. За четыре часа — ни одной тачки. От реки несло химией и дохлятиной. Дьякон оставался спокоен, как мальчик из церковного хора. Он обладал поистине ангельским терпением. В этом отчасти заключался секрет его успеха. Даже если сегодня ему суждено вернуться пустым, он не испытает разочарования. В одну из будущих ночей он возьмет свое, неизбежно наверстает упущенное. Это было predetermined.

Самсон узурпировал некоторые чрезмерные права. Он считал себя неотвратимым, как Божья кара. До сих пор так оно и было.

Правая рука дьякона лежала на автомате «абакан», а левая покоилась на Библии в обложке из вороненой стали с припаянным к ней медным крестом. Это было красиво: крест отбрасывал красноватые блики на темную, слегка шершавую поверхность, и дьякону почему-то представлялись ТА САМАЯ казнь и лобное место на закате... И череп Адама у подножия... И долгая мучительная смерть...

Когда-то он счастливым образом избежал подобной участи; неверные чуть было не пробили ему гвоздями ладони.

Вспомнив об этом, Самсон мысленно вернулся на двадцать лет назад.

* * *

Его путь был извилистым и головокружительным. Когда ему исполнилось тринадцать, он начал промышлять на улицах по эту сторону Блокады с самодельным перышком и свинцовым кастетом, отлитым в земляную форму. Таких, как он, были сотни, и кончали они плохо. Он оказался немного умнее других и предвидел свой путь заранее — прямую и накатанную дорожку в газовую камеру. Это в лучшем случае. В худшем все закончилось бы гораздо раньше. Его могилой мог стать какой-нибудь подвал или мусорный ящик. Среди наиболее высокоразвитых личностей его круга, обремененных фантазией и чувством юмора, это называлось «духовкой». Он сам несколько раз натыкался на законченные варианты. Кроме всего прочего, приготовленное таким образом «блюдо» плохо выглядело, а пахло еще хуже.

Джихад был в разгаре, а Могиле стукнуло шестнадцать — возраст триппера, романтических заблуждений и непоправимых ошибок. Но он совершил невероятный для малолетних придурков вроде него поступок — ушел добровольцем в христианскую армию. За два года службы в диверсионном спецподразделении маленький зверек превратился в по-настоящему опасное

существо. Там он начал оправдывать свою фамилию.

Потом был плен. Самсон прошел через все мыслимые и немыслимые унижения. Он стал седым за первые трое суток. Его насильовали и пытали. У него почти не осталось ногтей. Он подолгу просиживал в бочке с нечистотами. Иногда охранники мочились прямо ему в лицо. В течение полугода он ежедневно ждал смерти и действительно хотел умереть.

Когда его в конце концов положили на крест, он впервые в жизни начал молиться. Он не знал ни одной НАСТОЯЩЕЙ молитвы, и ему пришлось изобрести ее для себя. Он молился тому, кто принес в этот мир свет абсолютной ненависти — настолько яркий, что сияние проникло даже в голову такого тупицы, каким был Могила...

И было ему откровение. Он понял, откуда проистекают все беды.

Его молитва на кресте могла показаться верхом богохульства, но сейчас дьякон понимал, что ни разу после того случая он не был так искренен и экстатичен. То было сильнейшее религиозное переживание, перевернувшее всю его жизнь.

Мольба возымела действие. Казнь была отменена; Могилу обменяли на вражеского агента. Буквально через несколько часов после чудесного

спасения Самсон дезертировал, и больше он не воевал ни под чьими знаменами, кроме незримого знамени собственной веры. Зато в этом деле молодой дьякон достиг исключительной изощренности и совершенства. А учеба в семинарии подвела фундамент под его шаткие убеждения.

Под угрозой смерти он вручил свою судьбу высшему Существу, и Существо не обмануло его надежд. С тех пор он уже не принадлежал себе и не распоряжался личным временем. Глядя на свои руки, он видел симметрично расположенные кресты на обеих ладонях — там, где обрывались «линии жизни».

* * *

Днем он служил в церкви, но его истинное служение протекало далеко от святых стен — в непотребных местах, обильно политых кровью неисправимых грешников. Ему понадобилось три года, чтобы создать секту. Сейчас число его сторонников доходило до двух сотен, тем не менее по ночам он всегда работал в одиночку. Риск был огромным, зато отвечал дьякон только перед тем парнем, который побывал на кресте задолго до него и полностью испил чашу страдания.

Его богоугодная деятельность не осталась

незамеченной. Когда Могиле предложили вступить в Ассоциацию, он решил, что большого вреда от этого не будет, а польза может оказаться огромной. Если начинались «неприятности» с властями, член Ассоциации мог рассчитывать на хороших адвокатов, круглую сумму для освобождения под залог, неприкосновенность собственных счетов, пособие семье, снисходительность судей. До отсидки доходило редко и только в особо тяжелых случаях, а до Озоновой Дыры — никогда. Вступительный взнос оказался смехотворным, процент от выручки — менее чем божеским; поэтому не возникало ни малейших поводов для конфликтов.

Существовало только одно табу — правительственные караваны класса «0». Это означало усиленную охрану из странных молчаливых ребят со счетчиками Гейгера — ребят, которые почему-то никогда не останавливались, чтобы справить нужду (на местном жаргоне их называли «артишоками»). Могила принял этот запрет совершенно равнодушно — его не интересовал обогащенный уран.

Вполне возможно, что на самом верху в Ассоциации заправляла какая-нибудь шишка из правительства. Дьякона это также мало волновало, хотя и отдавало редким цинизмом. На его схоластическом языке это называлось

«использовать неизбежное мирское зло во благо святой цели».

Теперь он принадлежал к элите тайного промысла. Опека Ассоциации была ненавязчивой и минимальной. Дьякону нравилось иметь дело с тенями на экране компьютера или бесплотными голосами в телефонной трубке. Крайне редко его просили о чем-либо; сам он не просил никогда. Он интуитивно понимал глубинную суть кодекса молчания.

Ассоциация... Он часто думал о ней. Закрытая организация. Почти рыцарский Орден. Лига джентльменов. Своего рода клуб для избранных, члены которого не имели ничего общего с великосветскими хлыщами. А дьякон, возможно, был лучшим из всех. Самым быстрым. Самым осторожным и жизнеспособным. Самым беспощадным.

Принадлежность к Ассоциации не означала, что Могила разделил с кем-то тяжесть своей ответственности и опасность работы. Его не одолевало суетное тщеславие, и он не нуждался в компании. Он действовал соло — это было свидетельство его высшей квалификации, последняя стадия в эволюции боевой биологической машины, означавшая предельный контроль над телом, мозгом, нервами; почти совершенное состояние духа, граничащее с

неуязвимостью.

У дьякона, например, никогда не потели ладони, а частота пульса не превышала восьмидесяти ударов в минуту даже в стрессовых ситуациях. Он мог бы поставить в тупик детектор лжи. Кроме того, он до тонкостей изучил человеческую психологию. Церковная паства и народец свободных зон были самыми подходящими объектами для любых экспериментов. И все же он сознавал свое полное ничтожество в сравнении с Тем, который снял его с креста.

Абсолютное совершенство недостижимо — ведь совершенные живут вечно, считал Самсон, и тут он был прав. Абсолютному совершенству место на небесах, а не на грешной земле. Дьякон оставался реалистом: парни вроде него умирали слишком часто. Что же касается психологии, то к черту теорию! Гораздо важнее разбираться в мотивах и подсознательных импульсах, а в этих нюансах Могила мог дать сто очков вперед любому практикующему чистоплюю-психоаналитику.

Как правило, мотивы человеческих поступков были до смешного примитивными. Иногда дьякон спрашивал себя, как обстоит дело с его собственными «импульсами». Он не рефлексировал долго. Судя по тому, что он все еще оставался живым, с ним все было в полном порядке.

Он предпочитал уединение, независимость;

ему нравилось «находиться в пути» и еще то особенное ощущение легкого голода, которое заставляет волка покидать логово. И, как волк, Самсон всегда возвращался, принося в зубах добычу для своей самки и детеныша. Те не подозревали о его истинных занятиях. Жена считала его кем-то вроде тайного агента Синода. Спутать матерого зверя со сторожевой шавкой — подумать только! Впрочем, дьякон ценил в своей женщине именно эту редчайшую черту — наивность. Он отдыхал в ее объятиях от мира, в котором наивности, безусловно, не было места. И даже любил ее — по-своему. И посмеивался про себя — беззлобно. А пацан еще был слишком мал, чтобы видеть вещи в безжалостно реальном свете...

* * *

До его чутких ушей донесся шум двигателя тяжелого грузовика. Тот пер в одиночку. Водитель — или безумец, или болван. В любом случае такого нельзя было пропустить. Кроме всего прочего, дьякон считал себя еще и санитаром чертовски несовершенного общества.

Он снял руку с Библии, положил ее в карман, надел очки с закопченными стеклами и поднял «абакан». Установил переводчик режимов в положение короткой очереди с отсечкой. Это был

его фирменный стиль: одна очередь на одного клиента. Следующие пятнадцать секунд он вообще ни о чем не думал.

Призрачный свет... Черные стволы, окутанные сединой... Капли воды, блестящие, как алмазы... Невидимая сеть пространства, связующая все кругом... Первые проявления неотвратимости...

Нарастающий рев. Оборвавшийся крик. Только что кто-то мгновенно умер под колесами. Завидная смерть. И еще один повод восстановить справедливость.

Грузовик ворвался на мост, почти не замедлив хода. Прицеп тяжело громыхнул. Из-под широких покрышек мерцающими веерами летела грязь. Фары посылали вперед шесть снопов слепящего света. Красноватая полутьма, накатывающаяся следом, настигала и пожирала разбегающиеся тени. Две трубы по обе стороны кабины извергали в небеса дымящуюся полупереваренную отраву...

В точно выверенный момент дьякон сделал легкое движение рукой. В ту же секунду справа от него и за спиной вспыхнула осветительная ракета.

Это было похоже на ядерный взрыв в миниатюре. Радиоуправляемое устройство сработало безукоризненно. Источник мощностью в миллионы люменов завис на высоте два с половиной метра над покрытием в дальнем конце моста и медленно опускался вниз. Водитель

грузовика неизбежно должен был ослепнуть как минимум на несколько секунд.

Дьякон увидел все, что хотел, и даже больше. Он улыбнулся. Эта улыбка выразила бесконечную, неутолимую, леденящую ненависть.

На него надвигался зверь Апокалипсиса.

Голова у зверя была только одна, зато все остальное в наличии: рога, раскаленная пасть, смертельная (но исцеленная!) рана на морде, сверкающие диадимы и даже имена богохульные. Тварь оказалась багрово-черной, бронированной, гремящей, а в ее восьми желудках плескалась и сгорала миллионнолетняя гниль...

Несмотря на богатое воображение, дьякон моментально вернулся туда, где он обладал кое-какими скромными возможностями, — в реальность грубых механических аналогий.

Улыбка примерзла к его губам и превратилась в оскал черепа. Или в гримасу существа, навеки разочаровавшегося в постигшей его судьбе.

За ничтожную долю секунды он успел разглядеть лицо водителя сквозь узкую щель в зашторенном лобовом стекле, желтые треугольники внутри желтого кольца, дьявольские звезды на обтекателе. Это был запрещенный объект охоты. Вероятно, дурная овца, отбившаяся от стада... Дьякон снял палец со спускового крючка.

Но что-то не давало ему покоя, не отпускало,

занозой засело в подсознании. Что-то было не так...

Самсон смотрел не мигая на стремительно надвигающегося монстра. Решетка радиатора, рассекающая воздух; адское пламя, полыхающее в трубах; зеркала, отражающие красные зрачки катафотов; кроличьи лапки, судорожно бьющиеся о мрак; глубокие лилово-черные тени, запекшиеся в глазницах и ноздрях человека, блестящие зубы...

Зубы?!!

О Господи! Спаси и помилуй нас всех!!!

Дьякону показалось, что у него остановилось сердце. Но он ни на секунду не усомнился в ясности своего рассудка. Его разум совершил мгновенный прыжок через пропасть невероятного. На другом берегу могло происходить все, что угодно. То было измерение проклятой магии, блевотных месс, богопротивных чудес.

Там мог существовать, например, смеющийся водитель с металлическими зубами. Заколдованный черный всадник верхом на звере. Возможно, неуязвимый. Одержимое существо, везущее сквозь ночь смертельный груз. И все это — под рев казачьего хора, извергаемый акустическими системами...

Мгновение спустя дьякон принял решение. Это было нелегко, но трудность выбора не имела никакого отношения к фактору времени.

Он выстрелил, уверенный в том, что стреляет

последний раз в жизни. В каком-то смысле так оно и было.

«Абакан» коротко рывкнул.

* * *

Равиль Бортник, чудом вернувшийся из страны безумия, отодвинул тяжелый засов и распахнул дверь коттеджа.

Ветер с силой ударил ею об стену. Вывеска зазвенела; вниз посыпалось стеклянное крошево. Небо так и не прояснилось. Сырой воздух облепил лицо.

Равиль увидел именно то, что ожидал увидеть. Часть поля зрения занимал дробовик, которым он водил из стороны в сторону. В пределах досягаемости не было ничего, что напоминало бы о пережитом страхе.

Возле третьей колонки действительно стоял дальнобойный «КраЗ» с прицепом. Контейнеры, размалеванные черепами и знаками радиоактивности, были из тех, которые трудно вскрыть даже автогенем. Грузовик был заляпан грязью, но под ее толстым слоем угадывалась боевая раскраска некоронованного Короля Дорог. Бортник узнал его. Это была шестисотсильная зверюга Жвырблиса.

Радиаторная решетка напоминала

распахнутую пасть дракона. По бокам черной кабины расплескались языки багрового пламени. Противотуманные фары были похожи на узкие желтые глаза без зрачков, угрожающе пялившиеся в темноту. На обтекателе чернели шестиконечные звезды — по одной на каждые десять тысяч километров пробега. Абсолютный рекорд в мире, где вдоль дорог бродит слишком много свихнувшихся ублюдков с оружием... Лобовое стекло со стороны пассажира было затянуто металлической шторкой с голой грудастой красоткой. От этого кабина казалась издали перекошенной рожей пирата. Крылья оцетинились наваренной арматурой, которая пропарывала шины приближающихся тачек при попытке взять грузовик в клещи. Непристойная надпись на широченном бампере отсылала всех встречных-поперечных туда, откуда все мы появляемся на свет (а еще Равиль знал, что нарисовано на задней стенке контейнера). Лебедка, которой можно было взломать замковые ворота, торчала спереди, как почерневший и вывалившийся из рта язык повешенного. С огромных зеркал заднего вида свисали кроличьи лапки на счастье — кусочки меха с остатками сухожилий и следами крови... С траурных покрышек стекала грязь. От капота поднимался пар; ветер относил его в сторону города.

А рядом неподвижно стояли шестеро псов Равиля, взявших грузовик в кольцо. Это были хорошо натасканные собачки. Они не издавали ни звука перед тем как напасть. Они ждали движения.

Зверюга удовлетворенно урчала, но, когда Бортник объявился на пороге, двигатель «КрАЗа» мощно взревел. Из чудовищных выхлопных труб вырвались клубы жирного дыма. С труб свисало что-то похожее на крылья гигантской летучей мыши, но скорее всего это были просто камеры. Опустилось боковое стекло.

— Спишь, козел?! — загремел Жвырблис хриплым басом, выставив рыло в образовавшуюся щель.

В ту же секунду один из волкодавов прыгнул. Равиль услышал скрежет когтей по металлу, звук приземления тела и фантастический мат дальнобойщика.

— Назад! — хрипло заорал Бортник и на всякий случай приготовился пальнуть в воздух.

Псы нехотя отступили. Он читал немой упрек в их взглядах, брошенных исподлобья. Упрек — и еще кое-что неопишное. («С какой части тела...») Он держал их на строгой диете. Они всегда были ЧУТЬ-ЧУТЬ голодны. Особенно по ночам. Это было небезопасно. Но по ночам Бортник крайне редко высовывал нос из своей избушки.

Он сделал несколько шагов, отдавая

отрывистые команды и пытаюсь отогнать волкодавов к вольерам. Сегодня его голос звучал не слишком убедительно. Он никогда не ощущал полной власти над псами, а сейчас и подавно.

Отогнав их шагов на двадцать, он махнул рукой водителю. И все же Бортник кожей ощущал смутную угрозу — его густой волосяной покров был наэлектризован по всему телу. В ядовитом свете противотуманных фар зрачки собак были мутными и абсолютно бессмысленными. Равиль видел однажды такой взгляд — у лисы, зараженной бешенством.

Из кабины вылез Жвырблис — двухметровый сорокалетний громила с испитым лицом, стальными зубами и неизменным «калашниковым» на брюхе. На нем была маскировочная форма (пустынный вариант), очень дорогие сапоги из змеиной кожи на скошенных каблуках и, несмотря на темноту, очки из небьющегося стекла. Он был помешан на своих глазах. Единственное, чего он боялся, — это ослепнуть.

Сколько Равиль его помнил, Жвырблис хавал трассу без охраны и всегда выходил сухим из воды. Но это было ДНЕМ. Причиной его невероятной живучести было не только умение быстро ездить, хладнокровно соображать и с пользой тарыхтеть «машинкой». По слухам, он возил контрабандный кокаин и афганскую траву для Школьника. Со

Школьником никто не хотел ссориться всерьез — даже Аристарх Глазные Воронки, а Аристарх был конченный псих. Без руля и без тормозов.

— Когда-нибудь грохну твоих шавок, — сказал дальнобойщик равнодушно.

Равиль не сомневался, что Жвырблис может это сделать, но никогда не сделает. Ни один водитель, если он в своем уме, не оставит заправочную станцию без охраны. Только под защитой волкодавов можно было расслабиться по-настоящему.

— Ты один? — спросил Бортник, до сих пор не очень веривший в очевидное. То, что днем считалось смелостью, ночью становилось глупостью.

— Нет! С женой, мать твою! — расхохотался Жвырблис и выволок из спального отделения невероятно грязную, обкуренную девку в рваном домашнем платье и с огромным синяком под глазом. Ей было лет четырнадцать, не больше. Она пьяно улыбалась, и от нее за версту разило травой. Ее голые ноги были усеяны множеством красных пятнышек, похожих на следы комариных укусов.

Равиль скривился (хотя три месяца без бабы — это, черт подери, не шутка!) и спросил, облизав губы:

— Где ты ее откопал?

— В канаве, старичок, в канаве. Давала за

пару пирожков. Тебе — в счет мазута.

Из кабины доносился рев мужского хора «Хованщина». В штанах у Бортника заворочался его изголодавшийся дружок. Жвырблис курил, зажав папиросу в стальном капкане своих челюстей.

— Значит, так, — сказал он. — Пиво, бифштекс, полный термос кофе. Это мне. Двести литров фильтрованного — это ему. — Он ткнул большим пальцем в сторону зверюги. Потом перенацелил палец на девку. — И дай этой суке подмыться.

— Нет проблем, — сказал Бортник. — Гони капусту.

— Ты что, старичок? — спросил Жвырблис ласково, но эта ласка могла понравиться только круглому идиоту. — Совсем рехнулся от воздержания? Ты ж меня знаешь, родной. Как облупленного...

На всякий случай Бортник держал ствол наготове — именно потому, что знал Жвырблиса как облупленного. Его взгляд был прикован к скошенному рыльцу «калашникова». Он чувствовал себя крайне неудобно оттого, что не мог одновременно держать под контролем водителя и свору.

А псы медленно приближались. Шерсть на их загривках торчала стерней.

Жвырблис повернулся как бы невзначай — и его ствол оказался направленным в сторону собак. Опытные твари хорошо понимали, что это значит. Равиль цыкнул на них, и псы один за другим растворились в ночи. Однако Бортнику всегда казалось, что из мрака удобнее нападать...

— Я тебя знаю, — заверил он Жвырблиса. — Но, может быть, ты не заметил, что сейчас темно? Уже ночь, родной. А вдруг кто-то не дотянет до утра? Всякое случается. Плохие времена — сам понимаешь... Так что бабки вперед, — добавил он твердо.

Дальнобойщик высказал все, что он думал о Бортнике, его мамаше, папаше, их вероятных совокуплениях на стороне и этой вонючей дыре под названием «Лесная поляна».

Равиль слушал с наслаждением. Это было куда веселее любого фильма. И намного познавательнее. Всякий раз, общаясь со Жвырблисом, он значительно пополнял свой словарный запас. Когда тот все же принялся отслюнивать бумажки, Бортник вкрадчиво спросил, боясь спугнуть удачу:

— Останешься на ночь?

— Нет времени, старичок. В три отвалю. Так что бери бабу и пользуйся, пока я добрый.

* * *

После того как девка помылась в лохани с дождевой водой, Бортник взвесил предложение Жвырблиса всерьез. На часах было четверть третьего.

Дальнобойщик по-хозяйски расположился в кресле, забросив копыта на стол, сосал пиво и массировал опущенные веки, давая отдых своим драгоценным гляделкам. Они и впрямь отличались удивительной зоркостью, в чем Равиль не раз убеждался. Он был почти уверен, что Жвырблис может пересчитать лапки таракана, переползавшего коридор в десяти шагах от него (конечно, при условии, что таракан не глюк).

Некоторое время Бортник посвятил разглядыванию специальных водительских очков, которые водитель содрал с головы и нацепил на носок своего правого сапога. Странные стекла. Без видимого напыления и без диоптрий. Очередная хохма яйцеголовых, чтоб им пусто было! Жвырблис любезно объяснил, но Равиль так ни черта и не понял. Какая-то муть насчет поляризованного света — и все для того, чтобы избежать ослепления фарами встречных машин.

Девка, замерзшая и голодная, стучала зубами в дальнем углу. Большой добряк и рубаха-парень Жвырблис угостил ее обедами, которых не хватило бы и канарейке. Равиль даже испытал

что-то вроде кратковременного приступа жалости. Ныло в паху. Но уж очень он боялся заразиться. В его положении будет трудно колотиться, не говоря о том, чтобы найти лекарства. И он уже давно дал себе слово, что сдохнет от чего угодно, только не от сифилиса.

Мозгокрут передавал по ящику ночные новости. Передача была не менее странная, чем очки Жвырблиса. Бортник ничего не знал о пресловутом «двадцать пятом кадре», а если бы и знал, то вряд ли уловил бы смысл. Он был, что называется, мужик без претензий.

Мельтешение теней на экране казалось ему чьей-то дерьмовой шуткой. Кинокомедией для высоколобых придурков из правительственной зоны. Наверняка они были умнее его, раз взялись управлять, — и юмор у них был соответствующий.

Жвырблис зевнул, клацнув железными зубами. Бортник, переживавший невыносимые терзания плоти, зашел к девке с тыла и приподнял ствол подол платья. Та безучастно наклонилась и устала в пол. На ее губах блуждала бессмысленная улыбка. При виде ее опухших прелестей у Равиля застучало в висках.

— Она что, немая?

— Ага, — подтвердил Жвырблис, не открывая глаз. — Вторые сутки молчит. Идеальная баба.

— Дай гондон, — попросил Бортник, теряя

терпение.

— Это обойдется тебе в десятку, дружище. За доставку на дом.

Равиль не колеблясь расстался со своим недельным заработком. Купюра липла к его пальцам, и он щелчком переправил ее дальнобойщику, скатав в грязный комок.

Под звуки последней сводки об успешных боевых действиях батальона ассасинов в Скандинавии и репортажа о свадьбе одной из сорока девяти дочерей падишаха Бортник поимел шлюху стоя. Все продолжалось не дольше трех минут; он был тороплив, как мальчик, и после ему показалось, что удовольствие не стоило и четверти потраченных денег. Девка даже не замычала.

Жвырблис тем временем прикончил третью банку пива. Отдышавшись, Бортник застегнул стоявшие колом джинсы, вручил девке ведро и послал ее за водой для кофе к артезианскому колодцу. Небольшой двор, расположенный за коттеджем администрации, был огорожен забором, но в заборе не хватало четырех досок.

Равиль втайне надеялся, что у девки хватит ума где-нибудь спрятаться. Только бы не нарвалась на волкодавов! Она должна была понять, что он добрый и с ним ей будет хорошо. Жизнь в мотеле уже не казалась ему такой тоскливой.

А Жвырблис... Что ж, перед Жвырблисом

придется извиниться.

* * *

Охотник-глух приобретает форму. Для этого он воспользовался эманациями первого же встреченного им крупного животного. Оно обитало в окрестностях мотеля и было привязано к этому месту странной смесью примитивного инстинкта и чего-то похожего на извращенное чувство долга.

Охотник наткнулся на животное, двигаясь вдоль дороги — извилистой полосы на поверхности геоида, по которой катились призраки экипажей на колесах. Сотни призраков — одни смазанные, другие чуть более четкие, — а внутри них тоже находились призраки, и это было похоже на вложенные друг в друга вселенные...

Для глуха не существовало разницы между мертвым и живым; он улавливал только ничтожные различия в плотности и качестве ИНФОРМАЦИИ. Информация — это был ключ ко всему.

На шоссе и вокруг мотеля глух не обнаружил никаких следов того, за кем он охотился. Но у него появилась возможность сделать свои поиски гораздо более эффективными. И эффектными, если уж на то пошло.

Глух познакомился с изнаночной стороной реальности. Иногда его «отключали», и тогда он

«видел» то, что можно назвать снами. Это было пассивное созерцание. Возможно, единственный способ удержать охотника от бессмысленного и непрерывного копирования. В противном случае Колония быстро переполнилась бы. Желающих «переселиться» было хоть отбавляй...

Существовали тоннели во времени, пустоты между звезд, провалы в многомерность, раздробленные отражения сознания, странные мутации Земли. И все это было объединено одним: незримым присутствием Его. «Сны» глюка не отличались разнообразием. Иногда ему являлся Ангел — объект благоговения и любви, но чаще — карлики-клоны, объекты ненависти и охоты. Экстаз и кошмар были строго дозированы и сопровождали его повсюду, сменяя друг друга в непостижимом порядке.

Несколько дней и ночей — таким был срок его существования. Неопределенно долгий, если не с чем сравнивать. Он был глюком и потому не нуждался в отдыхе. Он уже усвоил, что «сны» — это периоды вынужденного бездействия. И они тоже были посланы ему Ангелом...

* * *

Гурбан был среднеазиатской овчаркой-переростком и в одиночку брал матерого

волка. Но то, что возникало сейчас перед ним из мглистого предутреннего тумана, вряд ли было волком или вообще зверем. Прежде всего, оно пахло иначе. Этот запах был неопишуем. Его не существовало в природе. Вдобавок Гурбан почувал невообразимую смесь угарного газа, аммиака и сучьих выделений в период течки...

Тварь появлялась по частям. Фрагменты ее белесого тела слиплись в единое целое, как будто до этого были лишь отражениями в кривых и мутных зеркалах, расставленных в разных уголках заправочной станции, а их бесшумное скольжение было похоже на потусторонний ветер, передвигающий тени в неподвижном воздухе, — ветер, приносящий запахи дохлятины и рои мух в полуденную летнюю жару...

ОНО приближалось второй раз за ночь, но теперь обростало плотью и превращалось в волка-альбиноса с красными гноящимися глазами без зрачков — воплощение смерти у всего собачьего племени.

В первый раз кошмар так и остался безликим. Гурбан ощутил только парализующую тоску и вслед за тем — непреодолимую потребность исторгнуть из себя вой плакальщика. Он задрал голову к невидимой луне, госпоже ночных пустот и отчаяния. Он присоединил свой голос к голосам других псов... Что-то проникло в его мозг, и

Гурбан цепенел от собственного воя. Он продолжал выть, когда кончился воздух в легких, а вдохнуть мешал невидимый обруч, опоясавший грудь. Какая-то посторонняя, чуждая сила заставляла вибрировать его связки...

Мимо него бежали грызуны и насекомые. Он не представлял, что их может быть так много. На его теле не осталось ни одной блохи. Мышцы превратились в вату; из-под хвоста потекли жидкие экскременты. Рядом предавались тоске пятеро обезумевших братьев. А в коттедже обмирал от ужаса двуногий...

Это продолжалось неопределенно долго. Потом демон удалился; капкан разжался; исчез палец, запущенный в глотку и дергавший туго натянутую басовую струну.

После той, первой атаки Гурбан чувствовал себя жалким щенком, чудом уцелевшим под колесами грузовика. В самой глубокой норе мозга, из которой являются двойники запахов, чтобы возвестить о приближении смерти, поселился неисцелимый страх.

Однако теперь псу становилось еще хуже. Он не мог даже завывать. Тварь не позволила ему шевельнуться. Она приближалась все так же беззвучно и не отбрасывала тени. Ее лапы, опиравшиеся на оголенные кости, остались девственно чистыми после того, как она пересекла

лужу мазута.

Тварь была воплощением собачьих кошмаров. Гурбан увидел огромные багровые руки живодера, свисавшие по обе стороны туловища, и еще одну двупалую ручку, торчавшую из живота. Эти конечности держали его мертвой хваткой, пока волк-альбинос не слился с ним.

В ту же секунду воображаемый кошмар, который был всего лишь очередным психическим барьером, воздвигнутым в ожидании «переселения», сменился блаженством. Гурбан был скопирован. Его матрица могла быть воспроизведена или размножена в любой момент. Глюк избавил его от физической смерти.

Потом появились другие волкодавы, и Гурбан присоединился к ним. Невозможно было предвидеть, когда и где глюк использует его двойника.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я утешу тебя.

Я стану частью тебя.

Пол Саймон

Ей было двенадцать лет, а выглядела она значительно старше. Она сбежала из замка «Черный октябрь» под Старобельском пятнадцать дней

назад, но теперь сомневалась, что поступила правильно. За последнюю неделю она лишилась речи, девственности, надежды и отчасти рассудка. То есть на простейшие вещи ума хватало, а вот на то, чтобы попытаться удрать от Жвырблиса, — уже нет.

В замке ее звали Любкой. Она прислуживала самому Ильичу. Ильич был импотентом с двадцатилетним стажем и вообще очень занятым дедушкой, так что с этой стороны ей ничего не грозило, кроме обычных телесных наказаний, однако на нее положил глаз личный водитель Ильича и по совместительству местный жрец вуду — здоровенный негр Нельсон.

Нельсон был лысым, жирным, ущербным, его кожа имела пепельно-серый цвет, а рожа напоминала темную сторону луны. Страшнее чудовища Любка никогда не видела и не могла себе вообразить. Он олицетворял все ее детские страхи.

Однажды он приснился ей. Во сне он не делал с ней ничего *особенного*. Он просто нес ее к длинному черному бронированному лимузину с непроницаемо темными стеклами. По пути он рассказывал ей зловещие сказки своего каннибальского племени... Потом он опустил девочку в черный аквариум, населенный вздувающимися жабами ее фантазий, в котором она начала тонуть... Проснувшись, она обнаружила, что

обмочилась. В дальнейшем это повторилось с ней еще трижды.

Наступил день, когда Ильич улетел на вертолете, и приближалась ночь, в течение которой должно было произойти что-то страшное. Любка даже не понимала, что означает в точности выражение «кровь девственницы», но она не раз видела окровавленные куски свиного мяса на бойне и кур, метавшихся по двору после того, как им рубили головы...

Она убежала тем же вечером, даже не переодевшись, и спряталась в фургоне, перевозившем поросят. Каким бывает наказание за побег, она знала с пяти лет. Поэтому ей пришлось лежать очень тихо, пока фургон не миновал последний шлагбаум во владениях Ильича, а в это время за хилой дощатой перегородкой суетились поросята. Они наверняка были голодными и знали о ее присутствии. А она, в свою очередь, знала, что будет, если перегородка не выдержит.

Где-то совсем рядом с ней раздавались стуки копытец, хрипы, шорохи, повизгивание... И еще скрипели разошедшиеся доски... Любке казалось, что страшная поездка длится вечно, но терпеть эту пытку было предпочтительнее, чем висеть на «сучьем кресте»... Любка закрывала ладонями уши, нос и губы, чтобы поросята не добрались до них. Когда-то кто-то сказал ей, что поросятам особенно

нравятся хрящи...

Ладони были слишком маленькими. И она все время слышала жизнерадостный хруст по ту сторону перегородки. Этот тихий хруст, раздававшийся в абсолютной темноте фургона, Любка запомнила на всю оставшуюся жизнь. А еще, несмотря на испуг, она чувствовала, что тает. Физически. В полном смысле слова. Ее вес действительно уменьшался с каждой каплей холодного пота, стекавшей по лицу и телу...

С того кошмарного часа серый человек Нельсон был только номером вторым в ее личном списке ужасов. Первенство неизменно принадлежало симпатичным розовым пороссятам.

* * *

Оказавшись на темном дворе, Любка ощутила привкус крови во рту. Кровь сочилась из прикушенного языка. Любка открыла рот и стала жадно глотать холодный воздух — как ни странно, это создавало иллюзию сытости.

Порывистый ветер задувал под платье, но замерзнуть сильнее было уже невозможно. Ниже пояса она вообще ничего не чувствовала, поэтому не очень хорошо понимала, зачем одинокий владелец маленького придорожного замка недавно так шумно дышал у нее за спиной.

У Жвырблиса закончилась трава, и Любка испытывала нарастающий дискомфорт — будто небо опускалось и придавливало ее своей свинцовой тяжестью. Снаружи тоже было неплохо, только слишком уж сыро и темно. И так трудно двигаться. От усталости слипались глаза...

Но свежий воздух проникал в ее трахею бодрящими порциями. Она преодолевала сопротивление спящих корней. Откуда-то доносилось журчание воды в пластах осадочных пород...

Внезапно она вспомнила, зачем ее послали. Она боялась, что мужчина с железными зубами снова рассердится, — как тогда, неделю назад, когда она чересчур много разговаривала... Водитель грузовика выглядел совсем иначе, чем серый негр Нельсон, грезящий о «крови девственницы», и все же они были в чем-то удивительно похожи друг на друга. Этим глубинным сходством не стоило пренебрегать.

Проходя мимо одной из секций забора, Любка услышала жадное чавканье и глухое рычание. Она не испугалась. Это ее не касалось. Поросята издавали совсем другие звуки...

Под ее ногами был растрескавшийся асфальт, и осколки впивались в босые ступни. Ветер хлестал ее, как мокрая тряпка. Впереди тускло поблескивала какая-то металлическая конструкция,

установленная над скважиной. Из круглой тумбы, отполированной дождями, торчал отросток, размерами и формой весьма напоминавший пенис Жвырблиса.

Любка подставила под него ведро и стала соображать, как пустить воду. Ничего не придумав, она начала ощупывать тумбу — ее руки «думали» лучше. Вцепившись в рычаг, она дернула за него. Вода ударила мощной струей, и Любку обдало ледяными брызгами. Она снова застучала зубами, но держала рычаг мертвой хваткой. Она не могла позволить себе огорчить Жвырблиса.

Как только прервался шум водяной струи, она услышала тихий благородный рокот двигателя и вкрадчивый шелест шин. О, вот это были знакомые звуки! Память о них въелась в плоть и кровь. Кожа покрывалась мурашками, а кровь застывала в жилах... Мысли Любки были предельно простыми. Они состояли из трех повторяющихся слов: лимузин серого Нельсона, лимузин серого Нельсона, лимузин серого Нельсона...

Она должна была увидеть его. Точнее, свой приближающийся конец. В глубине души она знала, что так и будет: когда-нибудь серый Нельсон приедет за «кровью девственницы». То, что он, возможно, опоздал, не приходило ей в голову. Он был не из тех, кто упускает что-либо из своих рук и о чем-либо забывает...

Любка встала на цыпочки, но забор был слишком высок. Она оглянулась в поисках возвышенности или предмета, на который можно было бы взобраться. В углу двора громоздилась темная пирамида из ящиков. Любка взлетела на нее, как курица, спасающаяся от ножа. Вода расплескалась; в ведре осталось не больше трех четвертей, но она не выпускала его из руки. Ящики скрипели и раскачивались под ее тяжестью. На самом верху она замерла и затаила дыхание.

Он как раз медленно и торжественно вплывал на стоянку и сейчас больше, чем когда-либо, казался ей ЖИВЫМ существом. Длинный, припавший к земле черный зверь, безжалостный и безучастный; потрясающе красивый заколоченный гроб на колесах (гроб для шестерых, а четверо могли разместиться в нем с большим комфортом); аквариум, доверху наполненный болотной водой и бездыханным кошмаром трясины... Заостренные крылышки антенны, рассекавшие воздух, напоминали бумеранг, готовый в любой момент оторваться и отправиться в самостоятельный полет. Панель для номера была пуста и выглядела странно, как... единственный глаз без зрачка. Это бельмо под радиаторной решеткой почему-то особенно сильно беспокоило Любку.

Черный лимузин, по кузову которого скользили отблески тусклого света, падавшего из

щелей коттеджа, плавно развернулся. Слепящие лучи фар царапнули Любку, переместились на автопоезд Жвырблиса, озарили дальний часток кол деревьев, пустой вольер для собак и наконец уперлись в ангар, где когда-то находилась мойка.

Черный лимузин замер. В его зеркальных боковых стеклах троекратно отразилась закрытая дверь коттеджа. Более того, в них отражались *светящиеся* неоновые лампы вывески над дверью. Голубые нереальные буквы складывались в перевернутую надпись, которую Любка никак не могла прочесть. Для этого у нее не хватало воображения. Ритмичные вспышки холодного огня могли довести до исступления... А ведь все было так просто: сложи слова из букв — и злое наваждение рассеется без следа...

Любка ожидала, что на пороге вот-вот появится мужчина с железными зубами, чтобы отстрелить Нельсону яйца (она не знала зачем, но мужчина часто грозился отстрелить яйца тому, кто ее обидит, — видимо, не переносил конкуренции), или хотя бы тот маленький говнюк с липкими руками — чтобы не дать Нельсону утащить ее в черный гроб на колесах, набитый привидениями, восковыми фигурками, моджо и устланный цыплячьими перьями.

Но никто не вышел из коттеджа, хотя она была уверена в том, что приближение лимузина

нельзя не заметить. Это убивало ее. Спасения не было. Бежать казалось ей таким же нелепым, как пытаться спрятаться от собственного страха...

Щелкнул замок. Открылась дверь со стороны водителя. Любка увидела восход луны — серый череп над черной плоскостью крыши, гладкой и блестящей, словно опасная бритва. Нельсон сделал два шага в темноту. Он был одет в белый костюм, который при свете дня выглядел бы ослепительно. Сейчас же он казался белесым силуэтом без ступней, кистей, головы и слабо флуоресцировал. Над воротником плавали сияющие, но дырявые шарики для пинг-понга. Когда до Любки дошло, что это глаза Нельсона, она перестала дышать и превратилась в мраморную статую.

Она не сомневалась: негр смотрел прямо на нее, хотя не мог никого видеть в глубокой тени дома. Он ЗНАЛ о ее присутствии, и потому его губы раздвигались в улыбке. Между ними появились серые железные зубы, принадлежавшие Жвырблису...

Кто-то скомандовал Любке: отомри! Она беззвучно захихикала. Вот в чем, оказывается, заключалось спасение — в том, чтобы вовсе лишиться рассудка! Кошмар будет продолжаться, но уже совершенно безболезненно для нее.

Существо с рожей Жвырблиса медленно приближалось. В его правой руке обнаружился

косяк. Оно рывками затягивалось и с наслаждением выпускало дым из ноздрей... «Жвырблис» пролез через дыру в заборе, о которой Любка даже не подозревала, и оказался в десяти метрах от нее. Здесь, на дворе, было слишком темно, и она не сразу поняла, что происходит. Белый силуэт сломался, скорчился, перелился в новую форму...

Любка кое-как слезла с ящиков и направилась к задней двери. Она шла спиной вперед, чтобы ничего не пропустить.

Она ничего и не пропустила.

«Жвырблис» опустился на четвереньки и полз за ней. Потом белый силуэт распался на несколько копий поменьше. В пяти шагах от двери Любка услышала то, перед чем меркли и гнев дальнобойщика с его большим членом и узловатыми кулаками, и колдовство Нельсона с его гнусными штучками, и «сучий крест» Ильича.

Она услышала глухой дробный стук поросячьих копытец.

* * *

— Что за херня?! — завопил Бортник, подскочив на месте, когда услышал душераздирающий вопль. Его испуг был наигранным. Он ожидал чего-то подобного с того момента, как за Любкой захлопнулась дверь.

Жвырблис не произнес ни слова. Он остался спокоен, только щелкнул предохранителем. Равиль немедленно погасил свет. На девку ему было плевать, но позаботиться о собственной безопасности — дело святое. Оба направились к задней двери, держа стволы наготове.

Бортник толкнул дверь сапогом и выставил дробовик наружу. Стрелять было не по кому. Он не увидел ни собак, ни растерзанного трупа. Это уже пахивало чертовщиной. Нехорошо пахивало — сортиром.

Он вышел под навес и осмотрелся. На стоянке тихо дремал ублюдочный монстр Жвырблиса. Через заправочную протрусил собачий силуэт. Равиль узнал Гурбана по характерному прогибу спины. В щель между землей и небом на востоке уже просачивалась утренняя заря...

— Куда подевалась эта шлюха? — спросил Бортник у самого себя.

Ответ последовал незамедлительно. Любка выступила откуда-то сбоку, из глубокой холодной тени, оправляя одной рукой платье. В другой руке она держала полное ведро воды. Она улыбалась так же глупо и чуть испуганно, как и прежде.

Жвырблис заржал:

— Тупая сука! Даже в сортир сходить не может. Все еще боится твоих шавок!

Равиль опустил дробовик. Он был

разочарован в девке. Она явно предпочитала издевательства Жвырблиса и последующее рабство развлечениям в мотеле. Сплошные огорчения. Плохая ночь.

— Продай ее мне, — сказал он, решив совместить приятное с полезным.

— Не могу, старичок, — криво ухмыльнулся Жвырблис. — Не обижайся, но ты просто в кассу не попадаешь. У меня в городе есть клиент на малолетку. Человек солидный, при бабках. Так что грузи свою бурду, и я сваливаю.

В три часа восемь минут утра он выполнил свое обещание.

* * *

В три двадцать раздался стук в заднюю дверь. Равиль Бортник, тщетно пытавшийся заснуть под звуки эоловой арфы, испугался меньше, чем можно было ожидать. Он только вздрогнул и схватился за дробовик. Потом неслышными шагами приблизился к двери. Постоял, прислушиваясь. Снаружи было тихо. Он посмотрел в глазок.

Равиль опустил дробовик и расплылся в глуповатой улыбке. Его рука сама собой потянулась к массивной задвижке. Он опять-таки не задавал себе неразрешимых вопросов. Например: откуда взялась девка? Ведь она уехала с Жвырблисом. И

та ли это девка?..

Любка вошла в коттедж, опустилась на пол и устала на мерцающий прямоугольник, посылавший ей недвусмысленные сообщения. Она больше не дрожала и не лязгала зубами. Старый черно-белый телевизор превратился в алтарь. Она молчала. Зато вновь обретенное божество *говорило* с ней.

Бортник не обратил внимания на ее чрезвычайно суженные зрачки. Увидев Любку, он обрадовался и решил дать ей поесть. Девка слишком уж отошала, а он любил, чтобы баба была в теле. Он занялся приготовлением супа, предвкушая «*семейную*» жизнь. Желания сбывались. Теперь ему точно не придется смотреть тупые фильмы. У него найдется занятие поинтереснее.

* * *

В кабине грузовика глюк оказался частично изолированным от окружающей среды металлическим экраном, зато теперь не нужно было затрачивать ни малейших усилий на передвижение. Он даже подпитывался энергией от двигателя и наслаждался очередным «*сновидением*».

Ангел висел к югу от точки зенита, раздвинув складывающиеся «*крылья*» и подставив их еще

невидимому с поверхности планеты солнцу. Глюк вкушал от Его электронной плоти. Они вместе пили из животворного потока заряженных частиц, пронизывавшего мертвую мумию мира. Это было прекрасно. Это был экстаз слияния. Глюк испытывал чистейшее блаженство...

Потом Темный Ангел снова «включил» его и вверг в тщету трансформаций. Охота еще только начиналась.

Пора было приниматься за работу.

* * *

Жвырблис знал эту трассу лучше, чем рельеф собственной ладони, и гнал, невзирая на ночь и мокрый асфальт. Он различал своими чудо-глазами малейшие неровности дороги, правда, сейчас его клонило в сон. Жижка из термоса, в которой было меньше кофеина, чем в собачьей моче, нисколько не возбуждала, а даже наоборот — от этого теплого варева Жвырблис еще больше размякал. Бортник, должно быть, ворочался на своем топчане от его проклятий.

Оказавшись в зоне приема городских станций УКВ-диапазона, он врубил музыку поэнергичнее. В кабине грузовика была установлена приличная стереосистема. При первых же громоподобных ударах драм-машины сон как рукой сняло, а по

спине забегали мурашки. Мощные низы отдавались вибрацией в желудке и наполняли Жвырблиса щенячьим восторгом. Даже девка проснулась и выпрямилась, будто кто-то всадил ей в задницу лыжную палку.

Впереди был сложный поворот. Жвырблис сбросил газ и положил вторую руку на рулевое колесо. До городской черты оставалось около пятидесяти километров.

Он проходил вираж с небольшим, хорошо рассчитанным и вполне допустимым для водителя его класса заносом. Он крепко держал баранку, препятствуя ее обратному вращению. Все было чудесно — до той секунды, когда девка начала ни с того ни с сего подвигаться к нему, скользя голыми ягодицами по сиденью.

Он не понимал, какого черта ей надо, — до сих пор она старалась держаться от него как можно дальше. Наверное, свихнулась, сучка. Он слышал, что подобные вещи иногда случаются. В любом случае она выбрала неподходящий момент для игр...

Прицеп неожиданно бросило влево, и Жвырблису понадобилось немалое усилие, чтобы вернуть автопоезду устойчивость. Колдобина. «Колдоебина» — так звучит даже лучше... «Где были твои глаза, придурок?» — подумал Жвырблис и, покосившись, увидел девку совсем близко от

себя. Та уселась прямо на рычаг переключения скоростей.

В другое время Жвырблис нашел бы это очень смешным, но сейчас ему было не до смеха и сексуальных фантазий. Поворот еще не закончился. Впереди был участок дороги с насыпью, все больше оседавшей каждую весну. Жвырблису предстояло провести грузовик впритирку с покосившимися столбиками.

Это был высший пилотаж, и он наслаждался своей работой. Все оказалось бы не так круто, если бы его зверюга была оборудована фарами с синхронным поворотом. Но он был дальнобойщиком старой школы и презирал эти новомодные штучки для кретинов-молокососов. Поэтому на вираже он не видел большей части дорожного покрытия. Зато прекрасно видел полосатые столбики на обочине встречной полосы, мелькавшие, будто гнилые зубы...

Девка не мигая смотрела на него в упор. Он грязно выругался, послав ее подальше. Он решил, что потом займется ее воспитанием... Хотя нет, не займется. Клиенту это может не понравиться. Товар и без того был изрядно подпорчен.

Внезапно лобовое стекло начало запотевать. Что за черт? Он ехал с вырубленной печкой. Жвырблис потянулся к панели управления, чтобы включить щетки стеклоочистителя. Сочлененное

тело автопоезда содрогнулось. Контейнеры угрожающе накренились... Водителю пришлось снова вцепиться в руль.

Последнее, что он видел перед «переселением», — это лицо шлюхи, которая рванулась к нему, словно черная птица из плохого сна, летящая навстречу над шоссе, выставив обломанные когти, и сливающаяся с внутренней тьмой в момент пробуждения.

* * *

Глюк проник в голову водителя, не повредив ее на физическом уровне. Он не перехватывал управления, чтобы лучше изучить таинственное вещество. Регулируя собственное восприятие, он обнаружил полуразрушенную нейронную сеть. Почти такую же совершенную, как эманации Темного Ангела, но безнадежно связанную с биологическим материалом.

* * *

...Оставалось не более двух секунд до катастрофы. Вполне достаточно, чтобы закончить исследование и скопировать матрицу.

Грузовик должен был неминуемо отправиться под откос. Но что-то удержало его на краю насыпи,

когда левые колеса уже вращались в пустоте. Та же загадочная сила буквально вытолкнула десятитонный прицеп на проезжую часть и обеспечила сцепление шин с грунтом.

Рессоры прогнулись в результате трехкратной перегрузки. Задымилась раскалившаяся резина. Двигатель натужно взревел. Передачу заклинило. Контейнеры едва не сорвали стопорные болты из легированной стали. Но авария была предотвращена.

После этого охотник снова изменил форму.

Выбив из челюсти обочины четыре кривых зуба, автопоезд вырвался на прямой участок.

* * *

Вначале все шло как по маслу. В лобовом стекле грузовика появилась дыра размером с кулак. Лицо смеющегося водителя непоправимо изменилось. Вернее, у него теперь не было лица. Одна пуля со смещенным центром тяжести снесла ему нижнюю челюсть, а вторая разворотила остатки носа, превратив его в окровавленное и рваное свиное рыло. Часть черепной коробки, застрявшая в перегородке спального отделения, напоминала грязное кофейное блюдце. Дьякону не требовался оракул, чтобы увидеть смерть в разводах серой гуши.

Тем не менее грузовик продолжал двигаться не снижая скорости. На всякий случай дьякон отступил с обочины и обнаружил, что его ладонь слегка увлажнилась — впервые в жизни... Через секунду ревущая тень пронеслась мимо, обдав Могилу грязевой взвесью и потоками смрада.

Его душа оцепенела, как замерзающий куриный эмбрион внутри яичной скорлупы, забытый в сломавшемся инкубаторе, но тело продолжало действовать безупречно. Он развернулся, направив ствол «абакана» в сторону удаляющегося автопоезда, и поставил переводчик стрельбы на автоматический огонь.

И вот тогда взвыли тормозные колодки. То был заунывный, слишком долгий, почти невыносимый для нервов звук. Внутри контейнеров что-то тяжело загремело. Из-под покрышек вырвались клубы дыма. Прицеп занесло и неумолимо разворачивало поперек дороги. Задние колеса сползли в кювет и загребали грунт, разбрасывая земляные фонтаны. Жесткая сцепка переломилась, как спичка.

Дьякон соображал апатично, но быстро. Безумный ублюдок, которому он вдобавок вышиб мозги несколько секунд назад, не только вертел баранку, но и давил на тормоза. Это было сверхъестественно и отвратительно. Правда, существовало и другое объяснение: кроме

водителя, в кабине находился еще кто-то.

Однако возникал гораздо более неприятный вопрос, а именно: что последует за этим? В том, что последствия будут, дьякон уже не сомневался. Он перешагнул через рухнувшее дерево и двинулся к своему мотоциклу, не сводя глаз с ползущего по шоссе грузовика.

Самсон отступал, но не бежал. Он заметил, как внезапно изменилось направление ветра. Этот ветер был абсолютно сухим и закручивался вокруг него холодной спиралью, поднимая в воздух лесной мусор...

Прицеп перевернулся; теперь контейнер со скрежетом вспахивал асфальт, рассыпая искры. Расстояние между ним и Могилой составляло около ста метров. Осветительная ракета догорела; для дьякона наступила гораздо более мрачная ночь, чем была в действительности. Он сорвал с переносицы бесполезные стекляшки и раздавил их каблуком. Ситуация окончательно вышла из-под его контроля.

На всякий случай он перекрестился.

* * *

Могила беспрепятственно добрался до своего девяностопятилетнего «кавасаки-малышева», оборудованного радиостанцией и круиз-контролем, и снял тяжелый байк с подножки. Он бросил взгляд

на портативную дисковую пилу с электрическим приводом, торчавшую из багажного ящика. С помощью этой нехитрой игрушки он вскрывал контейнеры и автомобильные сейфы, как консервные банки. Иногда под диск попадала чья-нибудь глотка — в этом случае дьякон не отказывал усопшему в заупокойной молитве (в конце концов, он просто выполнял свой долг).

Это была так называемая пила трения. Сверхтонкий диск из жаропрочного сплава не столько резал, сколько плавил материал. Дьякон сам немного побаивался своего инструмента. Тонкий, еле слышный свист диска вызывал ощущение озноба. Холодная волна пробегала вдоль позвоночника, и на какое-то мгновение позвонки смерзались. Это было что-то вроде предвкушения оргазма, только с огромным знаком «минус». По правде говоря, Самсон не мог представить себе ничего более неприятного, чем мысль о СЛУЧАЙНОЙ ОШИБКЕ...

Итак, полюбовавшись пилой, дьякон отказался от своего намерения вскрыть контейнер. Надо было убираться отсюда поскорее, не размениваясь на мелочи. Он и без того уже наделал немало глупостей. Могила слишком хорошо знал, что означали желтые треугольники, которыми был маркирован груз. Кроме всего прочего, они означали, что он нарушил договор с Ассоциацией.

А вот каким будет наказание, он не знал. Прецедентов не имелось. Это была чрезвычайно неприятная неопределенность. Но его догадки были еще хуже...

Он завел двигатель, врубил фару на дальний свет и вырулил с проселочной дороги на шоссе. Его подошвы опирались на ребристую поверхность «горшков», а автомат лежал на бедрах. Дьякон был готов ко всему. Ему предстояло проехать мимо остановленного им автопоезда. Любой другой путь был бы неоправданно долгим. К тому же Могила вовсе не был трусом.

За его спиной бледным разбавленным молоком растекалось утро. Дырявая сеть древесных крон безуспешно пыталась удержать рассвет. В низинах скапливались клочья тумана, обещавшего наконец ясный день. Одно густое туманное пятно обволакивало горячий капот и кабину грузовика...

Дьякон осторожно объехал лежавший на боку прицеп. Ему приходилось видеть пораженных лучевой болезнью. Поэтому его интересовало, цел ли контейнер, а главное, целы ли свинцовые игрушки внутри контейнера, — и это было не праздное любопытство очевидца аварии. Собственно говоря, сложилась предельно простая ситуация. Одно из двух: либо он находился в безопасности, либо уже получил свою дозу. На все воля Божья...

Он услышал очень тихий звук, но не со стороны реки. Где-то совсем близко подтекала жидкость. Дьякон открутил ручку газа на себя до упора. Мотоцикл рванулся вперед с таким ускорением, что у Самсона на миг потемнело в глазах. Набегающий поток воздуха сдул капюшон и испортил Могиле прическу.

«КрАЗ» перегораживал дорогу. Между бампером грузовика с выдвинутой вперед лебедкой и обочиной оставалось не более метра — короткий узкий коридор, который на хорошей скорости можно было преодолеть за сотые доли секунды. Байк набрал хорошую скорость.

Дьякон никогда не жаловался на свою реакцию, но на этот раз он не успел даже дернуться. Он мог бы поклясться, что никого не видел ни слева, ни справа от себя. Дверь кабины оставалась закрытой. Вообще ничто не шелохнулось, кроме кроличьих лапок, подрагивавших над зеркалом заднего вида вопреки силе тяжести.

В самом зеркале отражалась какая-то тошнотворная масса. У дьякона не было времени понять, на что это похоже, хотя масса весьма напоминала человеческий мозг.

Кто-то невидимый нанес ему сбоку сильнейший удар в голову, от которого не спас бы и шлем. На голове дьякона не было даже вязаной шапочки.

Он слетел с мотоцикла и рухнул на обочину, потеряв сознание. Огромный кровоподтек появился на правой стороне его лица и почти мгновенно охватил скулу, щеку и висок. Один глаз сразу же заплыл. Кожа на руках оказалась содранной до мяса. Но в течение некоторого времени это не имело для Самсона ни малейшего значения.

Его мотоцикл промчался еще метров девяносто, врезался в придорожные деревья и заглох. Снова наступила тишина, в которой рождались и умирали лишь природные звуки. Весенний лес медленно пробуждался.

* * *

Глюк скопировал информацию — всю, вплоть до ничтожнейших деталей. Поэтому в кармане у него оказалась Библия с неполным текстом в Синодальном издании двухтысячного года. Он не знал, для чего нужна столь архаичная вещь, и решил выяснить это на досуге. Его досуг начинался тогда, когда он прерывал охоту.

Зато в руке у него появился предмет, назначение которого не вызывало сомнений. Это была портативная дисковая пила с лейблом фирмы «Солид элой энд даймонд инструментс» — квинтэссенция эманаций очередной жертвы. Гнездо для подключения пилы к автомобильному

генератору было пустым. Тем не менее, как только глук нажал на пусковую кнопку, диск начал разгоняться с нежным свистящим звуком...

Извлеченная из полудохлого животного информация впервые оказалась полезной и существенно облегчала поиски.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*Спроси у зеркала на стене,
Кто самый большой дурак.*

Грэм Эдж

Спустя десять минут дьякон Самсон Могила открыл глаза.

Он был крепким мужиком и хорошо держал удар. Вряд ли кто-нибудь другой на его месте очухался бы так же быстро. Добрая половина хиреющих человекообразных не очухалась бы вообще.

Дьякон отлежался, вдыхая запах сырой земли и рассматривая одним уцелевшим глазом щербень со следами собственной крови. Рядом висели клочья того же белесого, липкого на вид и подозрительно стабильного тумана. Шея была будто сдавлена колодками. Голова раскалывалась от боли, и отчаянно хотелось опустить ее в ледяную воду. Хотя бы и в отравленную реку Уды...

И все же Могила соображал, что делать дальше. После удара автомат оказался отброшенным в сторону и лежал на расстоянии пяти метров. Для дьякона в его положении это было все равно что пять километров. Но он изменил бы своим правилам, если бы не имел при себе несколько игрушек на черный день. Похоже, черный день наступил.

Он шевельнул пальцами. И только теперь почувствовал, как запылали руки, словно он опустил их в бак с серной кислотой. Однако этой боли было далеко до той, настоящей, замешанной на безысходности, — боли в пробитых гвоздями кистях, особенно когда крест ставят вертикально и они частично принимают на себя тяжесть тела...

Дьякон вычистил из сознания смешную щекотку, терзавшую его ладони, и превратился в полноценного стрелка. Его правая рука забралась под плащ и нащупала Библию в металлическом переплете. Открыв ее, он начал перелистывать страницы, пока пальцы не наткнулись на «иглокалыватель» — маленький, легковесный, но достаточно эффективный при стрельбе в упор ПСМ калибра 5,45.

В середине прошитого блока была вырезана ниша для хранения пистолета. Для этого пришлось пожертвовать Книгами Царств, Паралипоменон, Ездры, Неемии, Есфирь, Иова и большей частью

Псалтыря. Дьякон считал это небольшой потерей по сравнению с тем, чего он мог лишиться сейчас. Многие места из вышеперечисленного он знал наизусть.

Обхватив пальцами плоскую рукоятку пистолета, Самсон уже решил было, что его шансы выжить существенно возросли.

Он перекатился на бок и мгновенно нажал на спуск. Он не слишком доверял этой чертовой детской погремушке. ПСМ «разговаривал» невразумительно... Дьякон стрелял по движущемуся человеческому силуэту. Но утро наступало неотвратимо — и так же неотвратимо возникало в сумерках *лицо* .

После первого выстрела раздался странный звук, лишь отдаленно похожий на тот, с которым лопается яичная скорлупа... Самсон выстрелил еще трижды и не сомневался, что все четыре пули с безоболочечной головной частью достигли цели. Достаточная порция даже для имбецила или мутанта с гипертрофированным спинным мозгом. Поскольку клиенты дьякона часто оказывались в бронежилетах, он приобрел полезную привычку стрелять только в голову.

И он действительно увидел эту голову, будто разорванную на части четырьмя попаданиями, отчего она казалась только отражением в беспокойной воде.

(«Отражение» — это был ключевой образ. Дьякон еще не подозревал, до какой степени близок к истине.)

Его искусство стрелка не оказало никакого влияния на движение массивной фигуры. Она приближалась, ступая бесшумно и уверенно. Приглядевшись к ней, дьякон начал молиться. Про себя. Его молитва снова была своеобразным кощунством. В ней попадались матерные слова.

От удара Самсона слегка контузило, в противном случае он бы уже слышал красноречивый звук, напоминавший свист зубоврачебного бора, только грозивший ему гораздо большими неприятностями... Он не сразу узнал свое лицо, но когда все же узнал, то мгновенно понял причину зловещей трансформации.

Зверь явился ему — зверь в новом образе, предпринявший тщетную попытку свести его с ума. Тварь «надела» его лицо — точную копию, вплоть до сложного рисунка шрамов на щеках и подбородке. После выстрелов оно почти мгновенно восстановилось, бесследно и безо всякого вреда для себя поглотив кусочки свинца. Разбитая пулями мозаика снова сложилась единственно возможным образом; это не имело отношения к биологии; тут скорее пахло каким-то жутким и самоубийственным искажением человеческого

восприятия, изменой органов чувств... Дьякон даже потрогал собственную, заросшую щетиной и опухшую рожу, чтобы убедиться в том, что кожа все еще на месте и никто не содрал ее с его головы, как были содраны с ладоней кресты и «линии жизни». Содрал и сделал зловещую маску...

Могила расстрелял обойму до конца — с тем же результатом. От кошмарного двойника его отделяло не более трех метров. Холодный рассудок не сдавался. Теперь дьякон надеялся на то, что все это окажется сном. Дьявольским наваждением. Искушением. Обещанием бессмертия. Новым способом вегетативного размножения...

Но даже во сне он вытащил из ножен свой нож с клинком, имевшим полуторную заточку, которым можно было без труда рубить кровельные гвозди. Дьякон крайне редко пользовался этим инструментом. Обычно он решал все проблемы с помощью пилы.

Он старался не смотреть «себе» в глаза. Потом его взгляд невольно притянула дисковая пила в правой руке глюка. Диск вращался с невыносимой скоростью. Подшипникам полагалось испариться. Диск казался прозрачным и сверкал чистым, ярким светом, будто был сделан из тончайшего отполированного алмаза. Сквозь него дьякон видел пальцы двойника, абсолютно похожие на его собственные. На них остались следы от сведенных

наколок. Когда-то он пытался исправить ошибки юности.

...Что делать, если твоя ненависть, безжалостность и неумолимость оборачиваются против тебя же? Если предопределенность и твой приговор написаны на твоём же лице и ты вдруг осознаешь, что мог бы справиться с чем угодно, только не с *этим*? («Проклятие! — подумал Самсон. — Сейчас *оно* меня выпотрошит!») Это капкан судьбы, окончательная ловушка, самая грязная шутка, которую может сыграть с тобой твоя извращенная природа. Особенно если помочь ей, сотворив идеальное отражение...

Двойник улыбался. Дьякон ударил, разделив улыбку пополам и зафиксировав нож только внизу живота. Вместо крови из разреза хлынул поток слепящего света. Чистейшее сияние солнца в летний полдень...

Самсон зажмурился, чтобы свет не выжег ему глаза. Когда он открыл их, двойник частично слился с ним, перетекая из формы в форму, словно масса, состоящая из расплавленного золота. Руки... Вначале соединились их руки.

Он подозрительно долго не чувствовал боли, как будто конечность была поражена гангреной. А может быть, время чудовищно растянулось. Что это? Медленное изменение сущности? Не иначе, ему предстояло стать плотью мышей, змей, лисиц,

листьями травы и придорожной пылью. Или прахом в полном смысле слова. Исчезнуть бесследно. Очиститься. Пройти фильтрацию в теле матери-земли. И обрести жизнь вечную. Разве не для этого был предусмотрен круговорот веществ в природе?..

Из глаз двойника бил слепящий свет. Дьякон ударил его левой рукой, и кулак врезался в стеклянную голову, разлетевшуюся на тысячи осколков, как ваза, но каждый осколок летел по невероятной орбите, возвращавшей его в место пересечения и слияния. За сотые доли секунды лицо было слеplено снова — из идентичных фрагментов, тканей, ДНК, атомов...

Это очень напоминало цепенеющему дьякону чертов детский конструктор. У его шестилетнего сына был именно такой. И он сам не раз собирал дурацких роботов-трансформеров из тысячи и одной детали...

Все случилось настолько быстро, что дьякон не был уверен, произошли ли в действительности распад и слияние. Он мог быть уверенным лишь в том, что его руки, одна из которых все еще сжимала рукоятку ПСМ с пустой обоймой, уже не вполне принадлежат ему. И только тогда возник зуд, будто нервы реагировали с заметным опозданием на проникновение извне чего-то чуждого.

Несмотря на запредельную, испепеляющую

боль, дьякон молчал, сцепив зубы, и бил снова и снова. Неуязвимый двойник уже не обращал внимания на его удары. Это было похоже на бой со связанными руками против тени или голограммы, только тень, несомненно, нарастила плоть. Более того, она держала эту самую плоть под невысказанным контролем, который Могиле и не снился. В сравнении с этим любая магия или телепортация были детским лепетом...

Зверь одерживал верх. Самсон почувствовал себя голым, как младенец. Это было иррациональное ощущение растворения одежды, а затем и самой кожи. Податливая нагота, полная незащищенность... Он прекрасно помнил, что сам не раз цитировал Иова, просвещая своих тупых прихожан: «...нагим я вышел из чрева матери моей, нагим и возвращусь. Господь дал, Господь и взял...»

И вот, спустя секунду, он действительно услышал *свой* шепот — глухой и тяжелый, восторженный и торжественный, осыпавшийся, словно влажная земля, но, несомненно, принадлежавший ему.

«Нагим я вышел...» — прошептала тварь, будто *утешала* его, и слилась с ним полностью.

Самсон завыл. Глюк был внутри него и совершал странные эволюции. Это слегка напоминало перетекание искрящейся жидкости

внутри сообщающихся сосудов. Охотника особенно интересовало все, что могло иметь отношение к клонированию.

Пока он оплодотворял яйцеклетки, извлеченные из женской матрицы, у дьякона было время подумать о том, куда же подевалось его совершенство. Его неуязвимость. Его воля к жизни. Бумажная броня его спокойствия... Все забрала себе эта тварь. Высосала вместе с остатками воздуха из легких. «Отражение» — главное слово, мать его так! Тварь была зеркалом, впитавшим отражение и уничтожившим зазеркалье. Дьякон только что «переселился». Он сам стал матрицей.

И тут на него снизошла неземная отстраненность, благодать бесчувственности, которую можно было ошибочно принять чуть ли не за святость. Он смирился с непоправимыми вещами. Он разделил восторг зверя, почти пресытился ненавистью к греху, почти постиг *смысл* своего изменения... Но не до конца.

Утолив информационный голод, глюк занялся всем остальным. Глазными яблоками, зрительными нервами, слуховыми рецепторами, речевым аппаратом, насосом, перекачивающим кровь...

* * *

Глюк не удовлетворился этим. Освободив

дьякона, он отправился к автопоезду и вскрыл оба контейнера при помощи дисковой пилы. Были и другие способы, но он берег энергию.

То, что находилось внутри, превзошло все его ожидания.

* * *

Охотник мчался по шоссе в сторону города. Под ним ровно рычал лаково-черный «кавасаки-малышев» — довольно дурацкое и шумное средство передвижения, хотя и не лишенное определенной эстетической ценности. Вокруг клубилось седое утро. Холодный огонь сверкал впереди.

Глюк воспроизводил странные образы, вспыхнувшие в мозгу последней матрицы перед самым «переселением». Он не понимал, почему в сознании матриц иногда оставалась беспредельная, гнетущая ненависть к Ангелу вместо любви и благоговения; почему всякая мысль о Нем сопровождалась мраком отчаяния и безысходности.

По мнению охотника, Темный Ангел вовсе не был темным. Он излучал даже слишком много света. Его сияние ослепляло. Он был поистине светоносным. Его эманации были настолько многообразны, сложны, всепроникающи и вездесущи, что узреть истинный лик Создателя

казалось абсолютно невозможным. Его суть была растворена во всем, но сам Он ускользал от прикосновений. Он таился в блеске своей славы.

Остановившись на вершине холма, глюк обвел взглядом изломанную линию горизонта. На западе лежал тревожный ответ. Ветер терзал тополя, растущие вдоль дороги...

Охотник поднял лицо к небу. Он знал: за плотным занавесом туч были ледяные россыпи утренних звезд. Где-то там, среди них, находилось невидимое, но всевидящее око Ангела, распростершего крылья над миром. Охотнику этот мир казался верхом совершенства. В нем было все, что нужно смертному: Бог, вечность, время, судьба и тайна.

Он двигался налегке, оставив дьякону его смешное оружие. Не было смысла в декорациях. Клоны — его потенциальные жертвы — сами выбирали способ казни, сюжет гибели, мотив уничтожения и... путь к спасению. Каждое существо носило закодированный в сознании рецепт своей смерти. Почти все пути оканчивались тупиками. Повсюду стерегли призраки счастья. Иллюзии, фальшивые ценности и ложные фетиши заставляли бросаться в бессмысленную погоню, растерянно блуждать или вовсе замирать в тупой неподвижности. Но глюк знал один путь, который точно вел к свету.

* * *

...Невозможно описать то, что он почувствовал, когда увидел город. Лабиринт, где ему теперь предстояло охотиться и освобождать. Место, полное чуждой жизни. Черная луна, погруженная в тень большой планеты, висела над ним, как старое запылившееся зеркало. Из щелей в стенах лабиринта просачивалось замороженное сияние...

Внизу были огни, тоже указующие путь, но разительно отличающиеся от тех, недоступных, сияющих вверху, в вечной мерзлоте открытого космоса. Жуткие башни — иногда пустые, иногда пронизанные неестественным излучением — торчали на горизонте. В геометрически правильных пещерах копошились примитивные организмы, объединенные в непостижимо сложный механизм. И еще в сердце города была энергия, так похожая на энергию Светоносного. Глюк ощущал ее. Это было как птичий гомон, несмолкающий, сводящий с ума; налет невидимой стаи; атака сотен тысяч клювов, одновременно долбящих по черепу. Но он быстро научился ставить защиту.

И еще одно: теперь он стал в десятки раз сильнее. Он больше не нуждался в непрерывном формирующем излучении «Абракса». Он сделал

первый шаг на пути регресса. При необходимости глюк мог совершить почти мгновенную обратную эволюцию от энергетического сгустка до любого биологического существа.

Ему достался практически неисчерпаемый источник энергии, который мог обеспечить его автономное функционирование в течение невообразимо долгого срока. При всем том источник имел смехотворно малые размеры. Он был похож на очень тяжелую сигаретную пачку. На всякий случай глюк взял себе несколько таких «пачек». Этого должно было хватить ему примерно на шесть миллионов лет.

Он был бы рад поделиться своей добычей с Ангелом. И когда-нибудь обязательно сделает это. Таким способом он вернет создателю ничтожную часть долга. Это будет его жертвоприношением на алтарь их цивилизации.

...Двое, составляющие одно. И больше никого в целом мире. В новом мире. Это касалось исключительно его и Ангела.

Если только им не помешают проклятые клоны!..

ГЛАВА ПЯТАЯ

Пройдись по разрушенной улице и посмотри на смятенных владельцев развалин... Разбей земляного

идола, чтобы увидеть лица других идолов.

Джалаледдин Руми

Вечером они пересекли границу исламских и православных территорий Черноморской коалиции. Старик сразу же почувствовал себя лучше. Спокойнее, что ли, хотя вряд ли опасность миновала. Скорее наоборот. Приближалась запоздалая кульминация, а для многих вслед за кульминацией мгновенно наступает развязка. Развязка жизни — это, как ни крути, смерть. У старика и без того было стойкое ощущение, что он получил десяток лет взаймы. Он все еще предпочитал «западные ценности», но не вполне отдавал себе отчет в том, что же это такое. Может быть, он просто рассчитывал, что православные казнят его более гуманным способом?

Его спутники вообще ничего не почувствовали. Граница была воображаемой линией, абстракцией, существовавшей лишь в захламленных человеческих мозгах. Однако многие умирали из-за подобных абстракций. Мальчик знал это прекрасно, несмотря на отсутствие личного опыта. Он получал информацию от своих медиумов и поэтому жил, не совершая пагубных ошибок.

Третьей была девушка, которая шла в двадцати шагах впереди мальчика, — его недавнее приобретение. Медиум номер два. Старик

неизменно оставался номером первым. Генетическая память обеспечила ему преимущество. Пока мальчику хватало этих двоих. Роли были распределены: старик — гид, ходячий путеводитель по городу и окрестностям; девушка — телохранитель и исполнитель приговоров. Мальчик был не жаден до живых игрушек. Но никто не знал, насколько велик аппетит его «брата».

В этой троице было что-то противоестественное. Они не могли составить полноценную семью, и в их отношениях не было и намека на равноправие. Посторонний вряд ли понял бы, кто на самом деле возглавляет группу. На первый взгляд они двигались хаотически. На тот же первый взгляд они были бродягами и случайными попутчиками. Ни один из них не тянул на преступника или изгоя. Но все трое были подозрительно чисты и здоровы — по крайней мере, внешне.

Мальчик выглядел лет на шесть. Очаровательное личико было свежим и покрытым пухом, как спелый персик. Большие серые глаза смотрели пытливо и открыто, а маленькие губы часто складывались в трогательную и обманчивую гримасу беззащитности. Это был развитый ребенок. Вероятно, даже слишком.

Он думал о конце света больше иного пророка. Изведал он тоже немало. Он уже знал, что

это такое — забрать жизнь из сострадания. Еще он знал, как манипулировать людьми. И не только людьми. Его научили всему — лишь бы он дошел и сделал то, для чего был послан.

Старик, который фактически являлся его «отцом», подозревал, что на самом деле мальчику около тридцати лет. Так выходило, если Земля все еще крутится вокруг Солнца, а в году триста шестьдесят пять дней. Но старик не был *уверен* в этом, потому что с некоторых пор не был уверен ни в чем. Точнее, с тех самых пор, как мальчик, бросая игральную кость, выбросил шестерку сто раз подряд. На спор или просто так. Похоже, все-таки на спор. Это случилось давным-давно, в каком-то притоне под Зенджаном, и чуть не стоило им жизни. Мальчик действительно был тогда слишком юным, наивным и не мог удержаться от дешевых фокусов.

«Но что ты скажешь о его фокусах сейчас, старая задница?» — подумал старик, не жалея яда.

При этой мысли его охватила жуть, и он обрадовался. Жуть он испытывал оттого, что был свидетелем всего происходящего вокруг мальчика, а обрадовался тому, что был способен издеваться над собой. Старик цеплялся за самоиронию, как иные в его возрасте цеплялись за кислородную подушку. Для него самоирония являлась одним из признаков того, что он еще не до конца превратился

в ходячий труп.

У мальчика не было человеческого имени. В монастыре Ордена «Револьвера и Розы» клонам присваивали арабские имена звезд. Того, который вел старика в город, называли Мицаром. Когда-то старик имел глупость придумать ему имя попроще. Но теперь даже в своих скудных воспоминаниях он называл мальчика не иначе как «малыш». Это было похоже на примитивную попытку бороться с ураганами и демонами, давая им ласковые прозвища... По правде говоря, слово «Мицар» просто стерлось из памяти старика — еще одна бесполезная абстракция, от наличия или отсутствия которой ничего не менялось. Более того, старику становилось не по себе, когда он вспоминал о своем отцовстве. Рядом с мальчиком он давно казался безмозглым младенцем.

Сейчас мальчик был точной копией его чудом сохранившейся детской фотографии. Что же это, если не чрезвычайно замедленный процесс старения? Монахи убеждали старика в том, что продолжительность жизни клонов составит самое меньшее двести лет (о недоразвитых сиамских близнецах никто не мог сказать ничего вразумительного). Все они были стопроцентно стерильны. И каждый нес «генетическую бомбу», которая могла быть активизирована в любой момент при помощи специального кода. Старик не

знал кода; зато его знал сам мальчик.

Старик догадывался: что-то пошло не так, как хотелось бы этим чертовым реформаторам. Потрясатели основ, черт бы их побрал! Все было не так, начиная с неконтролируемого деления клеток и заканчивая исчезновением клона Мегреца, посланного в город на поиски Терминала. Тот не выходил на связь уже больше полугода. Возможно, был похищен или мертв... И вот теперь Мицару предстояло осуществить чужую миссию и найти исчезнувшего клона. Терминал был необходим, чтобы реанимировать Куколку (старик не надеялся увидеть метаморфозу). Еще неизвестно, что важнее... Старика отдали мальчику, как в древности снабдили бы посланца хорошей лошадью или колодой карт для гадания. Монахи ничего не потеряли. В монастыре хранилось достаточно генетического материала.

Монастырь находился в Святой земле. То, что люди из Святой земли могли трагически ошибаться, не добавляло старику ни веры, ни оптимизма. Движение — вот и все, что у него осталось. Но он встречал многих, кто не мог похвастаться даже этим.

* * *

(...Из вечерней беседы Низама, шейха

Тарика, с клоном, неммым свидетелем которой был когда-то старик:

— Демон стар и слаб, — говорил Низзам. — Когда он одряхлеет окончательно, мы попытаемся уничтожить его. Для этого предназначена Куколка.

— Разве Демон может умереть? Разве Дух Бездны не вечен? — задавал мальчик свои вопросы.

— Демон вечен. Именно поэтому мы должны стремиться к недостижимой цели. Цель каждого человека — покончить с ним внутри себя. Потом он вернется снова. Он всегда возвращается...

— И мы снова уьем его?! — спросил мальчик обрадованно. Он увидел некую надежду в самой возможности победить Демона — пусть ненадолго и неокончательно.

— Глупый сопляк! — засмеялся Низзам. — К тому времени даже ты умрешь. Это будет не твоя забота.)

* * *

У клона был чистый незагоревший лоб. Из-под неизменно поднятого капюшона свисали на глаза длинные и мягкие волосы. Золотистые, как у ангелочка на дешевой открытке. Единственной недетской чертой в его облике были длинные ногти, отросшие на пальцах.

Он был одет в черные джинсы «мэдок» и

куртку фан-клуба группы «Одной ногой в могиле». Куртка отличалась огромным количеством zipperов. Два, вшитые горизонтально, имелись и на капюшоне (старик дорого дал бы за то, чтобы никогда не увидеть их расстегнутыми). Прочные ботинки на полтора размера больше требуемого оставляли рельефные следы, похожие на отпечатки протектора велосипедной шины. За плечами мальчик нес сморщенный кожаный рюкзак с запасом консервированной пищи и воды.

Старик обычно плелся рядом с мальчиком или в шаге позади него — беззубый пес, который больше всего на свете боится потеряться. Редкие седые волосы обрамляли узкое, морщинистое и коричневое лицо, похожее на горную страну, какой та представляется на рельефном глобусе. Волосы потемнее выбивались из ушей и ноздрей. Казалось, если старик откроет рот, то станет очевидным, что волосы растут и на языке, и на деснах, и в глотке.

Старику исполнилось пятьдесят семь, и он выглядел изможденным до святости. Из-за слишком светлых глаз и шатающейся походки его можно было принять за слепого. На самом деле он прекрасно видел без очков и контактных линз — на свою беду. Он давно не брился, и грязно-белая щетина старила его еще больше.

Сухая ломающаяся фигура, похожая на богомола, была закутана в плащ защитного цвета.

На тощем заду болтались широкие и когда-то белые джинсы — как тряпка, сигнализовавшая о капитуляции. Старик не ощущал ни жары, ни холода. Иногда ему снилось, что его тело постепенно мумифицируется (это был самый нейтральный из его снов). Он убеждался в обратном, когда питался или справлял нужду.

Сны были едва ли не главным его достоянием. И, вероятно, единственным. Сны придавали смысл его долгому изгнанию, пребыванию в плену, возвращению на родину, движению через земли с выскобленной маткой от мертвых городов к еще живым. Молодость, история, зловещие причины и убийственные следствия — все это подвергалось реанимации в сновидениях. Старик и сам оживал в них.

Мицар пользовался этим. Когда ему требовалась информация, он без особого труда погружал старика в более или менее глубокий транс. Наяву старик превращался в маразматика. Ничего удивительного — мальчик медленно похищал его разум и память. Иногда старику было дано ощутить это — на какие-то кошмарные мгновения. Он начинал думать, что клон, вероятно, страдал комплексом Махди¹. Это было бы хуже

¹ Махди — в мусульманской мифологии «ведомый» человек накануне Страшного суда, когда вся земля наполнена

всего. В таком случае последний поход старика обернулся бы фарсом.

Девушке вряд ли приходили в голову подобные опасения. Она с радостью рассталась бы с большей частью своих воспоминаний. Например, о том, что сделали с ней в банде Аристарха Глазные Воронки. Но клон действовал избирательно. Он был дьявольски изощрен, этот ужасный карлик! Он понимал ее одержимость и никогда не уничтожил бы основной мотив. Вероятно, у девушки вообще не могло быть других спутников мужского пола, кроме существа с непонятной физиологией и старика импотента. Эти двое спасли ее, а клон не дал свихнуться окончательно.

До близкого знакомства с Аристархом девушка стреляла сносно. Потом ей казалось, что она справится с этим великолепно — если доберется до огнестрельных игрушек. После своеобразной терапии, проведенной клоном, ее способности стали феноменальными.

Она превратилась в идеального палача, и если бы сознавала это, то не имела бы ничего против. Она ценила покровительство клона, как бы оно ни называлось на языке свободных. Он легко мог стереть ее — всего лишь оставив наедине со своей

темной половиной.

Девушка была одета слишком тепло даже для прохладной весенней ночи. В теплое апрельское полнолуние ее короткое и просторное мужское пальто смотрелось нелепо — особенно в сочетании с узкими кожаными брюками, облепившими стройные тощие ноги. Единственное разумное объяснение заключалось в том, что она прятала под пальто какой-то предмет. Ботинки армейского образца на толстой подошве и с высокой шнуровкой делали ее сантиметра на три выше.

Обычно взгляд старика рассеянно блуждал по сторонам. Но когда он наткнулся на девушку, в нем проявлялась какая-то призрачная эмоция — мучительная попытка что-то вспомнить. В перегоревшем мозге возникали мысли.

Старик с горечью думал о том, что жизнь скоротечна, а юность вообще эфемерна. (Он кое-что знал об этом. Для него время совершило почти невысказанный фокус — оно притормозило после того, как старику стукнуло пятьдесят. И это тоже объяснялось, скорее всего, вмешательством клона Мицара.) Он сомневался в том, что девушка доживет хотя бы до тридцати, но не был огорчен этим. Он не мог представить себе ее улыбающейся, расслабленной, удовлетворенной, кормящей ребенка грудью. Кто-то похитил ее юность — и все, что должно было последовать за ней. Ей оставили

только ее биологический возраст. Издали она и выглядела на свои семнадцать. Но вблизи становилось ясно, что судьба сыграла с ней плохую шутку.

У нее была бледная чистая кожа, как у мертвой невесты Дракулы, и глаза старухи, выжившей из ума. В результате небрежно выполненного брэндинга правая щека девушки была изуродована ожоговым шрамом в виде личного клейма Аристарха Глазные Воронки. И все-таки она казалась старику красивой. Это была печальная красота зверя в клетке, упадочного портрета, луны, закатившейся в сточную канаву... В редкие моменты просветления старик начинал сочувствовать девушке, а потом она становилась ему безразлична. Какая мелочь — ее личная трагедия — на фоне всего, что творилось вокруг!..

Они шли вместе четвертый день — с тех пор, как клон чудом поставил ее на ноги. Она происходила из семьи чешских эмигрантов. Старик называл ее Мартиной (когда внезапно вспоминал это имя). В остальных случаях вполне подходящими оказывались словечки типа «дорогуша», «женщина», «эта сучка» или просто «эй, ты!».

Клон никак ее не называл. Он был знаком с ней слишком близко. Их личности были сплетены сильнее, чем старик мог это себе представить. А

еще Мицар отдавал приказы им обоим.

Но кто руководил Мицаром?

* * *

Солнце утонуло в багровой луже, расплескавшейся на западе. Пространство на востоке застывало черным вулканическим стеклом вокруг лунного жерла. Какие-то бледные точки напоминали о звездах.

Возможно, в эту ночь погода изменится. Ветер и дождь — они были бы совсем не лишними. От малыша пахло потом, даже от старика пахло, хоть его тело и напоминало высушенный труп, а у девушки вдобавок началась менструация.

Трое сделали привал на заброшенной ферме. Клон выбрал место для ночлега — внутри башни ветряной электростанции. Городские дауны в первую очередь лезли туда, где могло храниться продовольствие. Не то чтобы клон боялся кого-то. Просто он избегал лишнего шума — насколько возможно. Его стихией было безмолвие внутренних пространств и кажущиеся голоса, сталкивающие с рельс разум.

Ферма выглядела вычищенной до предела, но и голодные бродяги попадались все чаще. Ветряк не годился под продовольственный склад. Издали он напоминал грубейший крест с косою перекладиной.

Для старика это был символ... всего. Непоправимой дисгармонии в человеческом сознании, природной асимметрии, покосившегося мира, искаженного порядка вещей, возврата к дикости.

Ветряк был сломан. Лопасты заклинило; остатки изоляции сожрал грибок. В углах башни попискивали мыши. Ржавая дверь, сорванная с петель, валялась у входа.

Клон вошел первым и сел на землю лицом к проему. Он видел четкий прямоугольник, разделенный пополам линией горизонта, — небо в кровоподтеках и землю в пятнах зеленого лишая. Акации. Или почти акации. Чем бы ни были эти деревья, они демонстрировали удивительную жизнеспособность.

Мартина привалилась к стене у входа и безучастно уставилась на мальчика. Потом расстегнула брюки и без тени смущения вставила самодельный ватный тампон. Старик сходил за башню и вернулся, раздраженно дергая заедавший zipper на джинсах. Он видел то, к чему никак не мог привыкнуть. Может быть, к этому вообще нельзя привыкнуть?

Только что он стал свидетелем поспешного исхода мышей из башни. Зверьки бежали точно на юг, будто их серые тела были нанизаны на невидимый луч...

Клон извлек из рюкзака банку консервов и

передал девушке. Та достала из-под полы большой универсальный нож и вскрыла банку сильными, почти злобными ударами.

Клон съел примерно половину. Со специями на консервной фабрике явно перестарались. Он запил соленое и острое мясо водой из пластиковой бутылки.

Старик вяло поковырялся в банке пальцами-сучками, стараясь не думать о том, кем были эти консервы раньше. Попискивали ли они, например...

Мартина ела без удовольствия и без отвращения — она просто восстанавливала силы. Она *работала* даже тогда, когда сидела неподвижно или спала. Благодаря Мицару она в полной мере овладела искусством перераспределения энергии. Старику нравилось смотреть, как она бездумно облизывает свои остроконечные пальчики, особенно смертоносный указательный. Это было очень сексуально.

Когда она опустошила банку, старик отвернулся. Он встретил взгляд мерцающих глаз клона и почти мгновенно задремал. Его маразматическое кино на сегодня закончилось. Легчайшее дыхание не колебало даже волосков в ноздрях.

Девушка не насытилась, но и не жаловалась. Она заснула, не меняя позы, только руки засунула

под пальто.

Некоторое время малыш глядел на них обоих с непостижимым выражением. Он не чувствовал себя уставшим. Он отдохнет после. А сейчас ему предстояло сделать кое-что важное. Извлечь информацию. Клон ненавидел соответствующую процедуру. Это было как... как переливание крови. Может быть, отчасти это напоминало и пересадку мозга.

До населенной зоны оставалось не более пятидесяти километров. Правительственный сектор имел статус закрытого — это означало, что, скорее всего, у них возникнут трудности с проникновением.

Клон переместился к выходу из башни. Он сел на пороге, обратившись спиной к тусклым звездам Козерога и Водолея, а лицом — в мрачное, затхлое и замкнутое пространство, в котором находились старик и девушка.

Мицар тоже закрыл глаза. Он очутился в мире спящих. Он преодолел грань уязвимости. У него был ключ от нематериальной двери, за которой хранилась родовая память. Нечто неопишное, но реальное, как само прошлое.

Работа мальчика отдаленно напоминала восстановление облика динозавров по их скелетам. К тому же чаще всего ему попадались неполные «скелеты». Нельзя было ручаться за абсолютную

достоверность его реконструкций. Но всегда оставалось время, чтобы исправить возможную ошибку в новой реальности.

Медленно, будто в состоянии самогипноза, Мицар поднял руки. Ногти блестели в лунном свете, как панцири майских жуков. Он расстегнул горизонтальную «молнию» на капюшоне с тихим зудящим звуком. Из темной щели выбились пряди волос, похожих на пух. Что-то было под волосами на затылке — там, куда не заглядывала луна. Что-то худшее, чем кошмар. Лицо недоразвитого клона Алькора.

Во всяком случае, старик заскулил во сне. Лицо девушки жутко, разительно изменилось, будто внутри полрой куклы внезапно образовался вакуум. Кожа туго облепила череп. Глазницы опустели. Под губами, ставшими тонкими, как папиросная бумага, можно было пересчитать передние зубы...

Клон примерял на себя ее спящее сознание — словно содрал кожу с руки и натягивал еще живую трепещущую перчатку, сплетенную из нервов, на холодный металлический протез.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Молчи — овладеешь языком бессмертия.

Джалаледдин Руми

— ...Вылезай, радость моя! — нежно позвал ее Аристарх и дернул за антикварную никелированную цепочку от унитаза. Цепочка была соединена со строгим ошейником, на каждом из металлических звеньев которого имелся шип, отогнутый вовнутрь.

Застонав, она очнулась. Батьке надоело ждать. Шипы заново пропахали засохшую корку на шее, разодранной до крови.

Это заставило ее быть послушной девочкой.

Мартина вылезла из-под лавки трейлера, в котором безуспешно пыталась отоспаться четвертые сутки, на яркий солнечный свет. Выспаться ей не давали кошмары, учащенное сердцебиение и невероятная потенция Аристарха.

Девушка стала его вещью всего две недели назад, и вещь уже приобрела сильно потасканный вид.

Мартина соскользнула по горячим металлическим ступенькам и больно ударилась локтями об асфальт. Зажмурилась и услышала, как кто-то заржал. Звякнула брошенная в нее пивная банка.

Вещь с трудом раздвинула слипающиеся веки. Прямо перед носом оказался заплеванный и размягченный солнцем тротуар. Она подняла голову. Стена полуразрушенного дома отбрасывала

дырявую тень. Вдаль тянулось железобетонное ущелье со ступенчатыми краями. Ущелье называлось «Улица Героев Сталинграда». Это место было Мартине смутно знакомо. Передвижной командный пункт бабки находился тут с позавчерашнего дня.

Изнутри и снаружи трейлер был выкрашен в беспросветно черный цвет. На его антенне болтался столь же радикальный флаг анархии. Однако анархией в банде и не пахло. Аристарх был настоящим самодуром.

Из открытой двери ближайшего канна-бара ощутимо тянуло травкой. Но сегодня этот запах вызывал у девушки тошноту. По правде говоря, все вызывало у нее тошноту — даже собственные обрывочные мысли. Вокруг было полно волосатого потеющего мяса, обтянутого черной кожей и обвешанного горячим железом. Байки, похожие на стадо механических антилоп (в ее воображении возникла тусклая, как бы смазанная картинка из учебника исторической зоологии для третьего класса — рогатые четвероногие, пасущиеся где-то в африканском раю, воссозданном приверженцами Расты), сверкали никелем и ядовитой краской...

Мартина не понимала, для чего ее потревожили. Скорее всего, хозяин просто захотел, чтобы она слегка поджарилась.

Повернув голову вправо, она увидела его

тяжелые сапоги, линялые джинсы, красноречиво вздувшиеся спереди, голый бугристый живот и мощную мускулистую грудь, на которую мастер-косоплет нанес изысканный рисунок из полос надрезанной кожи. Справа — скрещенные серп и молот, слева — магический пентакль Соломона. Аристарх был ходячим шедевром боди-арта. Кое-кто по ту сторону Блокады мечтал набить из него чучело и выставить в музее. Мечты так и оставались мечтами...

Она предпочитала не смотреть на его рожу и ни в коем случае не заглядывать в глаза. Сочетание бульдожьей нижней части с верхней, позаимствованной у античного бога, создавало впечатление дичайшей дисгармонии. Последняя деталь — маленькие глазки, от которых не ускользала ни одна мелочь. И взгляд. Как будто ничего особенного. Но через пару секунд Мартина начинала чувствовать себя неудобно. Через пять обнаруживала, что ее подташнивает, а через десять расслаблялись все мышцы ниже груди. В лучшем случае это означало слабость в ногах и ощущение ватной непослушной плоти. В худшем она могла испачкать нижнее белье. Впрочем, нижнего белья на ней уже не было.

Глазки Аристарха были бледно-голубыми, глубоко запавшими, а взгляд — почти ласковым. Взгляд домашнего врача, который досконально

изучил ваше тело, ваши болезни, вашу физиологию и психологию. Взгляд доктора-извращенца, который лучше всех знает, как сделать вам больно. Как превратить эту боль в невыносимое, непереносимое страдание, а истязание плоти — в пытку для сознания.

Вот и сейчас она не могла заставить себя поднять взгляд выше складок на его подбородке, усыпанных обильными всходами рыжих волосков.

— Вперед, птенчики! — приказал батька. — Слушайте Головастика — он сегодня босс.

Он швырнул трубку сотового телефона мутанту с огромным лбом, похожему на гидроцефала. Однако тот продемонстрировал прекрасную координацию движений и соображал, видимо, тоже неплохо. Аристарх любил превращать все в какую-то паршивую игру. Но до сих пор ни разу не проигрывал.

Мотоциклы взревели, окутавшись сизым дымом, от которого саднило в горле. Из установленных на крыше трейлера громкоговорителей грянул «Моторхэд», заглушая шум двух десятков мощных двигателей. У батьки был свой пунктик — он обожал старую классическую бодягу вроде тех же «Моторхэд» или Мэрилин Мэнсона (а особенно любил прокатиться на байке под шумок и с ветерком). Песенка, звучавшая сейчас, называлась «Маршируя на

войну». Это было, что называется, по теме.

Мартина не сразу осознала, что осталась с бабушкой наедине. Аристарховцы отправились на дело, прихватив с собой всех своих «дырок». С чего бы это? Она и в тени плохо соображала, а на солнце ей было трудно удержать даже самую примитивную мысль. Это не избавляло ее от постоянного чувства оскверненности — как будто безликий пожарник поливал ее нечистотами из брандспойта (явный комплимент члену и сперме бабки — она успела изучить эти гнилые фрейдистские штучки в начальной школе).

...Она все еще стояла на четвереньках, влипнув ладонями и коленями в податливый раскаленный асфальт. Из одежды на ней была только длинная и рваная мужская рубашка.

В этот момент затрещал другой сотовый. Аристарх пнул Мартину сапогом под ребра. Внутри ее тела оборвалось что-то, будто сваренные потроха перевернулись в кровавом бульоне. Она издала кричащий звук и повалилась на бок, безуспешно пытаясь вдохнуть или выдохнуть — лишь бы протолкнуть пробку, забитую в глотку.

Но если бабка думал, что отключил ее, то он ошибался. Он сел на верхнюю ступеньку трейлера и поднес трубку к уху. Состоялся, что называется, конфиденциальный разговор. Аристарх буркнул: «Слушаю», — и больше не произнес ни слова.

* * *

(Звуковой фон на пороге слышимости... В этом месте гипнотического транса клон сделал то, что он в шутку называл «стоп-кадром». Это была злая шутка. Мартине «снился» застывший студень, в котором остановились события и время. Бесплотный двойник клона отделился от ее сознания; он потерял доступ к зрительным образам и памяти. Зато он услышал голоса тысяч радиопризраков, которыми был переполнен эфир.

Ему удалось определить местоположение источника сигнала. Передача велась из закрытого правительственного сектора. Проникнуть дальше ему помешали фильтры и защитные поля, которые могли стереть его с такой же легкостью, с какой мощный электромагнитный импульс уничтожает информацию на металлизированной пленке. Вполне вероятно, что проснулся бы он уже идиотом. Если бы вообще проснулся... Клон предпочел не рисковать. Он вовремя вернулся, не обнаружив своего присутствия в системе.

В эту минуту сеанс едва не прервался. Мицар ощутил внешнюю угрозу, возникшую на другом уровне существования. Но это была не его забота. Легкая разминка для Алькора...

Малыш продолжал спать, переваривая пищу и

восполняя затраты энергии.)

* * *

...Боль и отчаяние превратили ее в одномерное существо. Осталась только одна цель — убраться подальше от Аристарха и только одно направление — в тень, глубокую черную тень, отбрасываемую стеной. Наконец ее легкие судорожно затрепетали; она выплюнула сгусток слюны и крови. И поползла, извиваясь на асфальте, как раздавленный червяк.

Цепь натянулась... Шипы ошейника впились в горло... Мартина продолжала ползти. Ей казалось, что ее жалкая и обреченная на провал попытка спастись заняла целый час. Время чудовищно растянулось...

На самом деле Аристарх не обращал на нее внимания в течение двенадцати секунд. Ровно столько понадобилось ему, чтобы перезвонить Головастику и слово в слово повторить то, что он услышал от неизвестного работодателя. Он произнес:

— Шестнадцать ноль-ноль. Девяносто первый километр семнадцатого шоссе. Двадцать охранников. Свидетелей не оставлять.

Мартина ни черта не поняла. В этом тексте для нее было не больше смысла, чем в вороньем

карканье... Она уже хрипела, полузадушенная, когда цепь, небрежно брошенная Аристархом на сиденье его байка, поползла вслед за ней, как никелированная змея. Сантиметры вязкого битума складывались в мертвый рельеф, который она изучила на ощупь, осызала губами и обожженной щекой. Тень была близко — она представлялась девушке пропастью, куда можно упасть в забытие. Но исчезнуть ей не дали.

— Цып-цып-цып, — раздался позади нее голос Аристарха. — Одну минуточку! Куда же ты, моя славная? Папочка за тобой соскучился!..

Этот голос пригвоздил ее к месту. Затем она испытала принуждение уже где-то за пределами боли. Батяка медленно подтянул ее к себе, наматывая цепь на руку. В другой его руке блеснул на солнце какой-то предмет, отдаленно похожий на очки. Но лишь отдаленно. Предмет был целиком сделан из платины и казался очень дорогим.

Аристарх вертел его на пальце, с доброй улыбкой наблюдая за реакцией Мартины. Он хотел убедиться в том, что она вспомнила все. Когда это произошло, ее зрачки расширились от животного ужаса. И уже не нужно было прилагать усилий...

Он расстегнул джинсы и вытащил на свет божий свой толстый помповик, украшенный татуировкой, которая наглядно демонстрировала пробуждение Кундалини. Изображение осталось

незаконченным — у мастера явно не хватило времени на проработку деталей.

Мартина оказалась перед выбором, но на самом деле выбора не было. Воронки болтались на пальце Аристарха в двадцати сантиметрах от ее лица. Они были похожи на половинки глазных яблок, высушенные и стерилизованные солнцем, — все, что осталось от чужого растаявшего лица. Девушка могла различить даже маленькие «зрачки», обращенные в душный мрак внутри трейлера. Зрачки, через которые заглядывают в жалящую слепоту. А если все будет продолжаться достаточно долго, то можно ощутить мучительную эрозию серого вещества...

Когда-то это уже случилось с ней. Или не с ней? С другой стервой?.. Она даже не пыталась вспомнить. В любом случае ответственность за эту неопределенность целиком лежала на мальчике.

До нее стало доходить, что Аристарх уже все решил. Она умрет сегодня; вполне возможно, до того, как вернутся его люди. Или же те затрахают ее до смерти. Закономерный конец, однако до сих пор она жила только настоящим. Понимание просачивалось в нее, минуя рассудок, подобно жидкому льду, сразу же застывавшему вокруг сердца. И вскоре оно оказалось заключено в ледяной панцирь. Если раньше Мартина испытывала ужас перед непрерывной и

нескончаемой болью, то теперь ею овладел полновесный, убедительный, несомненный страх смерти.

Ее сознание неожиданно прояснилось. Оно даже оказалось способным родить черный юмор. «Знак доверия — вот что это было», — подумала она. Они остались вдвоем, и со стороны Аристарха это был знак доверия. Насколько она знала, такое случалось чрезвычайно редко. Она услышала разговор, из которого не поняла ни слова, но все равно подписала себе смертный приговор.

Сейчас она была Шехерезадой, рассказывающей языком и губами свою последнюю сказку. Эта сказка не могла быть слишком долгой. Девушке становилось безразлично все, кроме двух платиновых воронок. Она находилась в той стадии, когда тупо расстаются с любыми ощущениями. Сознание заполнял шлак; оно воспроизводило одно и то же, как склеенная в кольцо магнитная лента. Воля мальчика заставляла Мартину двигаться по кругу — от начала зависимости до сцены предельного унижения. Но это был лишь незначительный фрагмент ее сказки...

Тень промелькнула над ней и повисла слева, заслонив солнце. Она скорее догадалась о прикосновении твердого теплого предмета к коже над ухом, чем ощутила его. Покосившись, Мартина увидела рукоятку своего собственного пистолета,

зажатую в лапе Аристарха. Батяка поглаживал ее стволом — примерно так же, как ласкают собаку.

Девушка задрожала. Ей вдруг стало очень холодно. Прибытие на конечную станцию оказалось намного страшнее и хуже, чем ожидание. Все приобрело ужасающую многозначительность, будто в детстве. Небеса снова были бездонными, а грязь превратилась в бриллиантовые россыпи...

Мартина почувствовала, что Аристарх близок к оргазму, а сама она стремительно приближается к смерти. В тот момент, когда началось извержение, его палец сдвинул с места спусковой крючок. Она попыталась отшатнуться. Судорога пронзила желудок. Она стала корчиться, захлебываясь, но он крепко держал ее за волосы.

А потом ее время вышло. Она должна была умереть.

Но за мгновение до выстрела клон каким-то образом ЗАБРАЛ ее оттуда. И значит, это тоже было «переселением».

* * *

Мир заново рождался из сумерек. Предметы обретали цвет и третье измерение. Они набухали, как весенние почки, и начинали отбрасывать тени. Башня ветряка, подпиравшая небо, протянула в направлении запада длинный черный палец.

Указующий перст...

Едва забрезжил рассвет, руки Мицара, лежавшие на бедрах, дрогнули и медленно поползли вверх. Застегнули «молнию» на капюшоне. В ту же секунду клон открыл глаза. Переход от сна к бодрствованию был почти мгновенным. Мицар не зевал и не моргал, привыкая к бледному свету. Он поднял температуру тела, ускорил сердцебиение, бодро вскочил на короткие ножки и вышел отлить.

Погода не изменилась. Слабый западный ветер принес облака, но не пролилось ни капли дождя. Во все стороны тянулись унылые холмы. В пыльных наносах остались собачьи следы. Клон не обратил на них внимания. Кажется, ему пришлось уничтожить стаю... Все, что случилось около полуночи, было сном, да и тот приснился не ему. То был сон для его темной стороны; лучше, чтобы он там и оставался.

Клон был слегка разочарован. Мартина не оправдывала надежд и затрат энергии. Она не помогла ему. Ее роль оставалась пассивной и сводилась к медленному самоуничтожению. Не обязательно физическому. Она была глупой слабой сучкой. Все самое важное осталось за порогом ее восприятия. Она уделяла слишком много внимания собственной боли и позволила Аристарху раздавить себя. Впрочем, Мицар понимал, что мало кто

способен на большее.

До «встречи» с ним она была всего лишь жертвой, — чего же требовать от жертвы?.. Настроение Мицара постепенно улучшалось. Он с удовлетворением подумал о том, как сильно изменил это жалкое существо. Теперь оно стало почти безупречным медиумом. Препарируя его воспоминания, клон извлекал из них то, о чем оно не подозревало. Например, информацию о человеке без имени и даже без достоверного голоса — голос в телефонной трубке наверняка был синтезирован. Аристарх тоже не знал этого человека в лицо, хотя и получал от него приказы. Мицар мог бы добраться и до Аристарха. Наверное, это было бы любопытно — все равно что исследовать помойную яму, — но явно преждевременно. Сначала нужно попасть в город и выяснить, что случилось с Мегрецом.

Клон подводил итоги.

Прошла еще одна ночь, а он все еще не обнаружил следов присутствия другого клона. Мегрец направлялся в город и почти наверняка достиг цели; Мицар ничем не отличался от него. Следовательно... «*Почти* ничем», — подумал он. Невозможно забыть о жутком существе, похищающем половину времени и физических сил...

Вряд ли в городе станет легче. Шумное место,

зловонное место... И все же мальчик зашагал на северо-запад, предоставляя медиумам возможность ползти следом. Клон знал, что будет в течение ближайших часов: бессмысленная гонка за укорачивающимися тенями, послеполуденная жара, затянувшийся отдых в тени...

Еще один шанс для глупой слабой сучки.

* * *

Старик открыл глаза и не сразу понял, где находится. Теперь ему казалось, что он провел ночь в наглухо запертом шкафу, в который не просачивались даже обрывки сновидений. Или, лучше сказать, в холодильнике. Темном, отключенном от сети холодильнике, хранящем только один неистребимый запах — старости. Молью — вот кем был старик. Молью, умирающей в нафталине...

Неловко ступая затекшими ногами, он перешагнул через порог и внезапно остановился. Потом обернулся и наклонился, чтобы получше рассмотреть то место, на котором всю ночь просидел мальчик.

Там лежали жирные белые личинки. Они не были раздавлены, несмотря на то что утрамбованная земля казалась очень твердой. Свет восходящего солнца действовал на них как

растекающаяся лужа раскаленного металла. Личинки съеживались, чернели и рассыпались в пыль...

Старик заворуженно смотрел на высыхающие влажные пятна — отпечатки маленьких ягодиц мальчика. Личинки были только тут — и что это означало? Очередной бессмысленный фокус клона? А может быть, тот просто расширял круг своих странных увлечений?

Старик протянул руку к одной из личинок. Он вряд ли соображал, зачем делает это. Когда он нагнулся пониже, в глаза хлынула темнота, будто он погрузился в нефтяное озеро... Старик выпрямился и торопливо заковылял вокруг башни в поисках уединения. Иногда в нем просыпалась ложная стыдливость.

Он опорожнил мочевой пузырь возле желтеющего кустарника, чтобы хоть его влага не пропала даром.

...Две фигуры удалялись от него, двигаясь по безжизненной шахматной доске, расчерченной на квадраты межами заброшенных полей. Одна — стройная, как офицер, другая — маленькая, как пешка. Но то была ПРОХОДНАЯ пешка. И когда она дойдет до места назначения, кое для кого партия закончится. Старик не понимал, но предчувствовал это. Он был фигурой, предназначенной в жертву. Хорошо, если не

напрасно. Вполне возможно, что люди из Святой земли были никудышными игроками...

По мере того как клон удалялся, тоскливое чувство усиливалось, превращаясь постепенно в физическое неудобство, а затем и в острую боль. «Что они со мной сделали?» — спросил старик у своей тени, а затем у неба. Он чуть не заплакал от боли.

Небо ответило ему всплеском слепящей голубизны и хрустальным звоном в пустоте...

* * *

(Неожиданно его память совершила прыжок в прошлое. Это был приятный, полезный каприз — как вспышка света в темной ванной, усыпанной битым стеклом, по которому надо прокрасться босиком.

Другая беседа с Низзамом. Когда-то Низзам изводил его своими дурацкими парадоксами. Да и происходило ли то на самом деле?.. Во всяком случае, он помнил декорации: оазис, окруженный песчаными дюнами; закат; неподвижные верблюды; неоновый свет над караван-сараем. И даже заунывное треньканье какого-то щипкового инструмента...

— Что это? — спросил Низзам с поддельным комическим испугом, указывая на жирную тень,

которую старик топтал ногами. Тот знал, как надо отвечать.

— Это тень Демона.

— Всего одна?

— У Демона миллион теней. Самая большая накрывает Землю.

— Самая большая — это червяк, который жрет понемногу твой мозг.

— Нет, — сказал старик простодушно.

— Приложи ухо к голове — и услышишь очень тихий хруст.

— Чье ухо? К чьей голове?

— Твое ухо, твоя голова, глупый старик!..)

* * *

Он шел по следам клона и девушки, пока полуденное солнце не начало плавить ему макушку. Старику казалось, что он действительно слышит «очень тихий хруст»... А потом снова был привал, сон без сновидений в прохладе погреба, стоны девушки и ужасный взгляд из-под капюшона — к счастью, направленный мимо него.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ярость проникает глубоко в нас.

Это — эра видеонасилия.

Лу Рид

...Рикша довез ее до пересечения Нейтральной с Ущельем и наотрез отказался топтать дальше даже за двойную плату. Правильно, жизнь дороже. Получив монету, парень сразу же припустил в сторону Блокады, стуча подковами по булыжной мостовой. Здоровенный даун — но без оружия у него не было шансов.

Чтобы не привлекать к себе внимания, надо было двигаться. Мартина медленно шла по тротуару, и ночь окутывала ее влажной простыней. Прохлада и страх... Томительное ожидание... Ощущение опасности было острым и почти приятным, как секс на грани садомазохизма... Фонари горели лишь кое-где, обозначая входы в забегаловки. Выше второго этажа не было видно ни единого огня. Между островами света попадались участки, залитые чернильной тьмой.

Вскоре Мартина могла различить отдельные человеческие силуэты. Мелькали красноватые искры сигарет, дважды сверкнула бутылка и один раз — совсем рядом — белки чьих-то огромных выпученных глаз. Она услышала шепот из подворотни — грязный, влекущий, угрожающий... Она и сама не понимала, зачем рискует. У нее были дурные предчувствия, и она смирилась с неизбежным. Что случается с безмозглыми

бабочками, когда заканчивается их сезон? Она узнала это той же ночью.

Возле кабака Карлоса-Мухомора ее облапали патрульные. Идиоты. Она никогда не держала при себе оружия в пределах карантинного пояса. Если верить Кисте, а та была тертой сукой, опасаться следовало не прыщавых курсантов из ментовского лица, а тайных агентов охраны.

Мартина оглянулась. Следили ли за ней? В темноте могло происходить все, что угодно. Она свернула в знакомый проходной двор. Не очень благоразумно, зато «стерильность» гарантирована. Здесь пришлось пробираться на ощупь. Ее ладонь поглаживала кирпичи, вторая рука была выставлена вперед — на всякий случай. Иногда местные развлекались, делая больно курочкам вроде нее, — для этого достаточно стоять у стены и держать бритву на уровне лица. И все равно Мартине было гораздо интереснее здесь, чем на уроках в средней школе... Она споткнулась обо что-то мягкое, но массивное. Перешагнула через труп и с облегчением увидела впереди изломанный серый просвет.

Выход был забаррикадирован мусорными баками, однако девушка знала запасной маршрут — через дыру в заборе, автомобильный отстойник и кухню муниципальной столовой. Сейчас в столовой питались только крысы и тараканы. Когда под ее

тяжелым ботинком что-то вкусно захрустело, Мартина зажгла миниатюрный фонарик. Тонкий луч выхватил из темноты разбегающихся зверьков. Отражения вспыхивали в зрачках, как звезды...

Она отодвинула решетку водостока и пошарила в подполе. Нащупала тяжелый сверток и вытащила из тайника любимые игрушки, тщательно завернутые в три слоя целлофана. Мартине повезло: несмотря на то что она была одной из самых молодых сук в банде, ей достались солидные железки. Пушка была крупнокалиберная, трофейная, с клеймом «Генералов», а нож взят из разгромленного оружейного магазина на Земской. Вот только на байк она себе еще не «заработала»...

Мартина сунула ствол за пояс, а нож — в рукав. Теперь достаточно было резко разогнуть руку в локте, чтобы наборная рукоять скользнула в ладонь. Она тренировалась практически ежедневно и с завидным упорством.

Она задвинула решетку, подняла голову и ощутила сквозняк, которому неоткуда было взяться. Внутри тонкого светового шнура плясала потревоженная пыль.

Одна крыса замерла, будто парализованная светом. Тварь была лысой и почти прозрачной. Внутри мутно-белого мешочка переливались внутренности.

Мартина помнила все, о чем назойливо

тарактел поп на своих уроках. Крысы — тоже Божьи создания, и она должна любить их. А если они — глюки, порождения Демона, то их не существует. Она знала, как следует относиться к отраве, льющейся в уши, прилипчивой мрази, обманывающей глаза, нюх и заставляющей осязать неосязаемое... Она протянула руку и прикоснулась к крысе.

Что-то было не так. Возможно, та была отравленной или больной. Или Мартине довелось увидеть крысу-имбецила. При мысли о том, что очутилась в крысиной психушке, девушка улыбнулась. Она поднесла зверька ближе к лицу. Теперь крыса начала дергаться. Она скалила стеклянные зубы, царапала лапками воздух и обвила запястье Мартины гладким, чуть розоватым хвостом.

И тут Мартина поняла, в чем заключается несуразность. Луч фонаря, который она держала в другой руке, не преломлялся и не рассеивался, проходя сквозь жирную мутную плоть.

Она подбросила крысу в воздух, и та начала таять — с хвоста. Мартина схватила нож и ударила по ней, но к тому моменту, когда лезвие должно было рассечь тело крысы пополам, на траектории падения осталась одна голова. Потеряв равновесие, девушка шагнула вперед. Крысиная голова стукнулась об ее ботинок, почернела и прилипла к

коже, стала наростом на носке в виде черепа без нижней челюсти; от него отделились два глазных яблока, укатившихся в темноту с металлическим дребезжанием.

Бросив взгляд на часы, Мартина заторопилась.

Через заднюю дверь кухни она выбралась в переулок, впадающий в Нейтральную, и оказалась в свободной зоне. Здесь не имел силы даже карантинный кодекс. Стопроцентная демократия. В самый раз для любительниц острых ощущений...

Переулок кончался тупиком. В том году Нейтральная разделяла зоны влияния аристарховцев и «Сук». Граница проходила точно по осевой. Мартина находилась на своей территории.

В переулке было темно, будто внутри зарытого гроба. На небе — ни одной звезды. Мартине это показалось странным, но не более, чем многое другое. В утробе майской ночи раздавались полупереваренные звуки.

Девушка завернула за угол и увидела далекий красный фонарь под навесом канна-бара «Чертово колесо». Сквозь щели металлических жалюзи пробивался мерцающий свет. Внутри бара кто-то истошно орал под пыткой.

Сегодня «Суки» праздновали захват заложника. И значит, пахло большой разборкой. Еще не поздно было смыться. Но у Мартины

никогда не хватало сил сопротивляться искушениям.

На тротуаре перед баром стояла дюжина байков и два джипа, один из которых принадлежал Плаценте — роскошная тачка с наворотами и фальшивыми номерами, угнанная из гаража какого-то миддла. Тут же вертелись десятилетние щенки, торговавшие собой и планом вразнос.

Мартина нырнула в подворотню за пятьдесят метров от бара и зашла с черного хода, как обычно ходили свои. Возле двери скорчился безногий нищий. При появлении девушки он переместился поближе к ступенькам. Его голова в струпьях оказалась на уровне ее развилки. Он захихикал и высунул неправдоподобно длинный язык. Колебательные движения кончика напоминали трепыхание крылышек колибри. О колибри она знала из учебного фильма.

— Это будет стоить тебе всего гривенник, дорогуша, — прошамкал нищий.

Мартина приготовилась пнуть его под дых ботинком с металлическим кантом. Безногий предусмотрительно и резво отодвинулся.

Она постучала в запертую дверь. Открылось окошечко, в которое с трудом можно было просунуть руку. Драная тридцатилетняя кошка по кличке Киста уставилась на Мартину подведенными глазами.